

Диана Хант

ИХ ПОЗВАЛ АШТ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Диана Хант

Их позвал Ашт

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31855640

SelfPub; 2018

Аннотация

Неважно кто ты и откуда. Когда мир Ашт зовет, ты идешь. Мир высших не знает слабости, здесь нет места чувствам и эмоциям. Здесь любовь – болезнь, а привязанность постыдна. Что может быть общего у прогрессивного ученого и полуграмотной служанки? Их позвал Ашт. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть 1	5
Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	30
Глава 3	58
Глава 4	91
Глава 5	116
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Мужчина говорит: я знаю тебя, я с тобой!

Женщина говорит: я чувствую тебя, я люблю.

Когда Аст-Асар не знали Аст-Асар,

и Аст-Асет не знали Аст-Асет,

миром Ашт правила любовь.

*Любовь – единство времени и пространства,
веры и знания,*

смысл и форма вещей.

*У Любви нет отдельных частей, но есть стороны,
и когда ее стороны забывают свою природу,*

Любовь исчезает,

как будто и не существовала вовсе.

Часть 1

Аст-Асар. Призыв

Пролог

Натан Вайг

Сиенса-3

Багряные лучи едва мазнули запекшиеся кровавые сгустки на лице сержанта, отмечая прибытие в строй, чтобы в следующий миг осветить то, что к утру осталось от вверенного Натану дивизиона.

Утро на шести лунах Сиенсы напоминает закат большинства систем.

Лучи маленького, неправильной формы солнца, с трудом пробиваются сюда сквозь рыхлую, рваную сферу, озаряя серую почву тусклым багровым светом. К вечеру они станут почти черными, сливаясь с жухлыми черными стеблями тоацианского опиумного мака.

Увы, от роботов не осталось даже головных прожекторов. Вон только, Лор тащит стеер – смысл в последней разработке Альянса, когда стрелять из стеера может только боевой робот?!

Но Натан не спорит с младшим сержантом. Какая разница? Нравится мальчишке трофей.

Главное – в это Натан до сих пор не верит – они победили. Победили.

И от победы этой хочется выть.

Он шел на Сиенсу, чтобы смешать с космической пылью само напоминание о плантациях, где несчастные рабы от зари до зари гнут спины на захватчиков, тоа-цев.

Он шел освобождать не просто рабов. Детей. Вес пропольщика тоа-пиатов не может превышать тридцать пять килограмм, видимо, столько весит самый крупный житель системы Тоа.

Автономный сделал все, чтобы попасть на войну, потому что у Альянса не хватало собственных человеко-ресурсов.

А здесь...

Да, победили.

Карлики, пигмеи. Пришельцы системы Тоа, засеявшие колонизированные луны запрещенными культурами. Никто не сбежал. Никто не выжил. Теперь в распоряжении Альянса шесть лун с самым доходным товаром Млечного Пути.

Натан уже знал, что к Сиенсе приближается два лайнера с детьми от четырех до восьми лет. Не рабами. Контрактниками.

К чертовой... черной дыре отсюда!

Холод в районе солнечного сплетения заставил сержанта остановиться, и, тащившийся за ним след в след Лор, навалился всей тяжестью, вместе с проклятым стреером.

Младший сержант, ожидая взбучку, отступил, но вопреки ожиданиям, не прозвучало ни звука.

– Сержант? – позвал Лор, хлопнув Натана по плечу.

Сержант молчал. Смысл отвечать, когда знаешь, что от-

кроется глазам, как только подъем останется позади.

Черный, выгоревший, еще дымящий кратер.

Гром. Его корабль.

Корабль, покупка которого стоила Натану четырех лет работы в венерианских шахтах.

– Капитан, – от волнения у Лора вырвалось именно то слово, которое меньше всего хотелось произнести вслух.

Натан даже оглядываться на помощника не стал. Во-первых, знал, что тот скажет, во-вторых, чтобы не убить за это. Силой мысли.

– Альянс же покрывает страховку Грома? – непонятно к кому обращаясь, сказал Лор и сглотнул.

Глава 1

Ратлат

Ашт. Квадрат падаан-до

Хроники Ашт

Легенда о Ваале и Астарте

Каноническая версия

*Беспроглядная, черная, как Око Гора, ночь, давит, сми-
нает Ца Тревы. Холод и тьма осаждают умы, ужас леден-
ит сердца и души. Никто не осмелится выйти в кроше-
вый мрак, вся надежда на пронзающее небеса Кольцо, что
держит город.*

*Лик Черной Исиды высится над городской стеною спра-
ведливым, безжалостным стражем. Ца Тревы без отца сво-
его, Ваала, дрожит и трепещет брошенной сиротой, не в
силах даже заплакать.*

*У подножия Врат, стремящихся в Небо, стоит истека-
ющий кровью путник. Стучится в Великий Ца Тревы, вызы-
вает открыть.*

- Кто ты? – грозно рокочет глас неподвижной Исиды.*
- Ваал Первый, законный правитель Неба и Тревы.*
- Законный правитель в кровь разит Стакских инсектов.*

Как смеешь, презренный, именоваться Славным Ваалом?

— Войско разбито. Мы проиграли войну. Победой упыются сегодня Стакские степи.

— Ты хочешь поведать, что мертвые все, кроме тебя одного? А если, ты — лишь достойный позора изменник, покинувший Славного Ваала и братьев по битве?

От острых и точных, как лезвие эзгий, слов идола, хмурое лицо путника искажает тьма и боль. Вновь упрямо размыкаются губы, но ответить бесстрастному голосу не в силах.

— Кто подтвердит, что ты говоришь правду? — не понимает идол.

— Моя жена, — хрипло шепчет путник, — Астарта!

Рядом с Ликом Исиды появилась женщина в длинных белых одеждах, и венец Властительницы сверкает в черных змеящихся косах.

— Астарта! — с трудом путник тянет руку, вызывает к любимой.

Но неподвижно прекрасное лицо Астарты, словно Лик идола рядом. Астарта молчит. А потом обернулась к Исиде:

— Нет, не мой муж стоит у подножия Врат. Этого человека я не знаю.

Лик неподвижен и мрачен, слышится только голос:

— Уверена ли, Астарта?

Юное лицо — камень, плотно поджаты губы, холод в гла-

зах. Женищина твердо кивает.

– Муж мой, Славный Правитель Ца Треввы Ваал ведет свое войско в бой на презренных Стаксов. Муж мой – Победитель, не ведающий поражения. За победой ушел, без нее не вернется. Прочь следует гнать этого лгуна и бродягу.

– Может, сразу убить его? – коварно спросил подлый идол.

– По мне, так хоть на куски порубите, и бросьте собакам! – фигура в белых одеждах, гневно вспыхнув, растаяла в воздухе.

Взметнулась черная кисть, заслонила хмурое небо.

– Вон! – указал перст Исиды Ваалу.

Мораль:

Женищина – зло.

Женищина – предаст.

Женищина делает слабым.

Место женищины – у ног мужчины.

Легенда о Ваале и Астарте

Апокрифическая версия

– Ого, – проворчал себе под нос Коин, – ага.

– Да, неожиданно, но так и есть. Слово в слово. Та же самая версия. Нет, точно, слово в слово! Только конец другой. Впрочем, тут его зову продолжением. Посмотрим.

Коин навел курсив на «продолжить», но вместо обещанного окончания легенды по панели запрыгали яркие строчки

комментариев. Написанные разным шрифтом, цветом, размером, что явно наводит на мысль что писал все это один человек.

Не забывай, уважаемый гость, что перед тобой лишь версия, апокриф!

Помогите развидеть, пжжжстта!

А кто верит в это гуано?

Чем только не засоряют Сеть... Безобразие, прости пргоресс!

Ясно, как опасна последующая вписка!!! Открывай смело, только не забудь составить завещание!!! УБАГАГА!

Ведь чистят, чистят от подобного мусора, а все же находятся... недалекие, кто постит подобную чушь!

Помойте мне глазницы, ребята...

Точно! И те, кто потом читает, как послушные овцекони, которых манят голограммой морковки...

– Нет, а где продолжение? – Коин нетерпеливо засопел. Теперь ему непременно надо знать, что было дальше с Ваалом! Он дернул ползунком, но курсивчик оставался неподвижен.

На экране вспыхнула надпись:

Вы уверены, что хотите открыть следующую вписку?

Коин раздраженно кликнул по надписи.

... И Славный Ваал вернулся на поле брани, с которого бежал позорно и малодушно, и разгромил бесчисленное вой-

ско Стакских инсектов, и завоевал их Ца, и преумножил свое наследие и свою Славу.

И стал после битвы за Ца Стакс именоваться Ваалом Великим.

И вернулся к любимой супруге Астарте, и правил Небом и Ца Треввы достойно и честно.

Мораль:

Женищина – великое благо.

Женищина – преданна до смерти.

Женищина дает силу.

Место женищины – в высоких помыслах.

– А что скажут в школе, если я составлю обзор обеих версий? – Коин крутанул обнимающее его кресло, оборачиваясь к брату, и принялся буравить назойливым, пытливым взглядом синих, слегка на выкате, глаз.

– Что? – Ратлат прислушивался к себе. Вид у брата, как всегда, когда слушает Аст-Геру, растерянный.

– Если составлю подробный обзор? – заерзал на белом сиденье Коин. Ему хотелось скорее покончить с домашкой. Если повезет, можно попробовать напроситься на Кольцо, с Ратлатом.

– Какой обзор? – Ратлат по-прежнему слушал Аст-Геру. Так он и знал, иссяк! Медлить нельзя. Требуется срочный вылет на Кольцо.

– Я составляю отзыв о древних мифах. Факультатив по

культурологи, – Коин решил запастись терпением.

– Отзыв – это хорошо, – кивнул Ратлат. – И какой миф ты выбрал...

– Легенду о Ваале и Астарте.

– Вот как, – светлые брови слегка двинулись к переносице, но юноша вовремя спохватился и придал лицу подобающий вид. Сказать, что Ратлат рад такому выбору младшего, нельзя. Но теоретически, раз сия легенда является достоянием гласности, и бесспорно, относится к мифологии, почему бы и нет.

– А почему именно она? – спросил бесстрастным тоном.

– Короткая самая, – буркнул Коин. – Леню другие читать.

– Думаешь, обманешь? – Ратлат отложил Аст-Геру, успеется. Сейчас куда важнее выяснить, что с братом. Чтобы он прикрывался леню? Вот уж, действительно, миф.

– Аст-Асар неведома леню, – сказал, как и положено, бесстрастно, с достоинством.

– А я пока не Аст-Асар, – парировал Коин, и подмигнул.

Ратлата не должны расстраивать столь явные проявления недостойных эмоций, но Коин, как назло, всегда ходит по опасной грани, то и дело грозя стать слабостью старшего брата.

Поэтому Ратлат взял себя в руки, и, более спокойным тоном, чем обычно, напомнил:

– Ты – будущий Аст-Асар. Не забывай об этом.

Коин сглотнул. Молчал.

– Так зачем тебе сокращать время на выполнение домашнего задания? – спросил Ратлат. – Куда-то спешишь? Дела?

– Аст-Геру иссяк? – указал Коин.

Ратлат не стал обманывать.

– Вот! – непонятно чему, обрадовался Коин. – Ты возьмишь меня с собой на Кольцо. Я соскучился по отцу!

Ратлат сдерживался нечеловеческим усилием воли. Час от часу не легче! Еще и соскучился. Одни эмоции... Одна рефлексия... Так Коин может и правда никогда не стать Аст-Асар... Но лучше об этом не думать.

Школа. Он что-то говорил о школе.

– А что ты спрашивал насчет отзыва? Для школы?

Малиновый, в крупных конопушках, нос будущего Аст-Асар предательски сморщился. Ратлат проигнорировал вопрос о Кольце. Значит, отца Коин опять не увидит... Коин насупился, но не ответить старшему не имел права.

– Спрашивал, если напишу отзыв на обе версии легенды? Получится более пространственно и содержательно.

– На обе версии?

– Да, на апокриф тоже, – беспечно заявил Коин.

– Ты читал апокриф, – скорее утвердил, чем спросил Ратлат.

Коин кивнул.

Ратлат не сказал ничего, но Коин кожей ощутил, что старший им недоволен. Все внутри сжалось, и даже воздуха в белой многоугольной комнате стало меньше.

– Ведь это открытая информация, – неуверенно, оправдываясь, протянул Коин. – Она в Сети.

– Не всю информацию в Сети следует читать, – мягко напомнил Ратлат.

– Я не буду, – поспешно согласился Коин.

– Информация, что ты прошел по запрещенному адресу, уже попала в Мозг. И в школе, так или иначе, об этом узнают.

– Что же делать? – Коин выглядит растерянным и беззащитным. Ратлат внутренне содрогался, когда думал, что брат приближается к возрасту самостоятельности – семи годам.

Скоро, очень скоро он начнет жить один, – подумал Ратлат. – Братик, братик... Как это вообще возможно?!

Вслух же сказал спокойно и уверенно, чтобы не беспокоить брата:

– Ничего. Готовь отзыв, конечно, на официальную версию, то есть, я хочу сказать, канон. Спросят, читал ли апокриф, скажешь, что читал. Зачем – двигал познавательский интерес. Но вряд ли спросят.

– Почему?

– Информация в Мозге, – пожал плечами Ратлат. – В школе и так и так узнают. Их обязанность – следить за психическим состоянием учеников. За вашей безопасностью. Успешностью. Вы – будущие Аст-Асар. Будущее Ашт.

Коин как будто успокоился. Перестал морщить нос, взгляд пытливых, на выкате глаз, стал отстраненным.

– Хорошо. Я начну рецензирование.

– Да, – кивнул Ратлат. – А у меня дела. Если мой Аст-Геру иксяк, у остальных потеря близка.

– Ты увидишь отца? – нарочито спокойный вопрос мальчика прозвучал совсем тихо.

– Не знаю, – пожал широкими плечами Ратлат. – Я лечу не за этим.

– Я знаю, – кивнул Коин, собирая волю в кулак. – Ты летишь за Аст-Геру. Ратлат, – его посетила неожиданная догадка, но побоялся озвучить ее сразу. – А что было раньше?

– Что ты имеешь ввиду?

– Раньше? Как астары, то есть мы, обходились без Аст-Геру?

– Никогда такого не было. Аст-Геру – бесценный дар мира Ашт своим сыновьям. Почему ты решил, что мы обходились без него?

– В легенде про Ваала и Астрату, – последнее имя мальчик презрительно выплюнул, – ничего не сказано про сияние Аст-Геру внутри Ваала. И в других мифах тоже, – быстро, чтобы старший не успел перебить его, сказал мальчик.

– Легенды легендами, – пожал плечами Ратлат. – Аст-Геру был с нами всегда. А мифы на то и – мифы.

– И всегда хранился в Теле, что в Кольце Ашт? – не унимался ребенок.

– Всегда, – кивнул Ратлат.

Коин поджал губы, задумался.

– Я знаешь, что думаю? – спросил он брата.

– Не знаю.

– Конечно, не знаешь, твой Аст-Геру иссяк! – и Коин показал Ратлату розовый язык. Всем хороший язык, отметил про себя Ратлат. Хоть сейчас на медосмотр. Парень здоров и годен к самостоятельной жизни. Почему же так неприятно об этом думать?

– Аст-Асар не... – начал было Ратлат, но ребенок перебил его.

– Знаю, знаю, не читают мыслей, а в и д я т! – он сделал таинственное лицо. – Я думаю, стена, на которой стоит Лик Исиды в легенде, и на которой появляется Астрата, – и есть Кольцо Ашт! Метафорически!

– Астарта, – машинально поправил Ратлат брата.

А ведь братишка прав! Коин прекрасно развит, и очень умен для своих лет, и кому, как не Ратлату, з н а т ь это. Логика, точность изложения мысли, пространственное мышление, развитый абстрактный механизм ума. Из парня будет хороший Аст-Асар. Только... слишком уж он эмоционален. И в школе, конечно, об этом известно.

Ратлат попрощался с братом, хотел сказать, что постарается не задерживаться, но вовремя сдержался. Аст-Асар, пусть и будущему, неведомы муки Привязанности.

Думая о брате, Ратлат поднялся на парковочную площадку. Если бы дела были в городе, на поверхности Ашт, взял бы мобиль. Но к базе, что у Кольца, добраться можно только на дорне, миниатюрном космолете.

Дорн Ратлата, серо-зеленый цилиндр, с округлыми скошенными краями, лежал на боку и терпеливо ждал, когда о нем вспомнят. При появлении Ратлата на парковочном месте, приветливо распахнул пасть люка, как щенок, соскучившийся по хозяину. Да, отметил про себя Ратлат, животное может скучать по хозяину, на то оно и животное. Низшие недалеко ушли от животных. Сынам Ашт эмоции противны с младенчества.

По размеру дорн примерно с истребитель отсталых цивилизаций, только места внутри куда больше. Секрет в бесценном Аст-Геру. Иссекает энергетический сгусток только при непосредственном контакте с плотью и разумом астары. Корабли, построенные с участием Аст-Геру, служат куда дольше обычных. А учитывая их сверхскорость, сверхпрочность, и другие возможности, смело можно сказать, что биотехнологиям Ашт равных нет. Просто нет.

Дорн Ратлата мягко поднялся над тэ и попал в рой тысяч таких же дорнов, мобилей, сийке, трийо и прочих средств передвижения.

Коин будет нервничать завтра в школе, понял Ратлат, делая круг над квадратом. Хорошо бы вернуться пораньше, побыть вечером дома. Пример спокойной рассудительности парню не помешают.

Школа Аст-Илинити Коина, целый городок на площади в десяток гектаров, расположилась на окраине города Тревь. Тысячи будущих Аст-Асар, деловито снуют по периметру: бегают, прыгают, кувыркаются, развивая тело, стоят и висят в парадоксальных для восприятия позах, с л у ш а ю т, развивая мозг, в общем, заняты, кто чем. Ученики живут прямо в школе, на месте, а кто помладше, пока, как Коин, проводит в школе всего лишь по двенадцать часов ежедневно, на дистанционном обучении, ночевать летает домой.

Скоро и славный пламенный Коин войдет под сень белых, из лунного камня, стен, чтобы отдать этим стенам одиннадцать полных оборотов Ашт вокруг Астаир жизни будущего Аст-Асар.

Ратлат покинул лунные стены десять лет назад, и за это время успел окончить два сита, параллельно.

Ровные, правильные линии улиц Тревь успокаивают разум и инстинкты, а величие и безупречность зданий, вселяют чувство допустимой гордости, патриотизма. Ратлат, как истинный Аст-Асар, настоящий патриот своей земли.

За линией Тревь, ближе к заводу по производству трийке пролегло пятно Академии си-тэль.

Си-тэль, прошедшие обучение, становятся женами Аст-Асар.

Сыновья мира Ашт обучаются сначала в школах, а потом в ситах – в зависимости от способностей. Ратлат закончил два сита, но практиковал один из хотэ. Женщины на Ашт не

учатся ни в школах, ни в ситах. В мире Ашт не рождается женщин, коренное население – астары, мужчины, все женщины здесь – привозные.

Если женщина попадает на Ашт до рассветного возраста, в отличие от мужчин, самостоятельный возраст в жизни женщины никогда не наступает, у нее есть шанс попасть в Академию Си-тэль.

У си-тэль, закончившей Академию, есть шанс стать женой Аст-Асар.

Если на Ашт попадает женщина, миновавшая расцвет, она также может стать си-тэль. Но си-тэль, которая живет в Райо, в одном из Домов. Без права стать женой. У си-тэль, закончившей Академию, нет права покинуть Ашт. Си-тэль, живущие в Домах, делятся на два типа: те, кто приезжают на Ашт добровольно, и собственность мира Ашт.

Самый верный синоним слова си-тэль – проститутка, женщина, греющая постель Аст-Асар. Взамен си-тэль получает то, что необходимо ей для биологической жизнедеятельности: деньги, наряды, драгоценности, развлечения, кров и пищу.

Приезжие, не астары, иногда зовут си-тэль «неферами». Астару в голову не пришло бы такое оскорбление собственного мироздания. Но приезжие примитивные расы не способны проникнуться механизмом устройства Ашт, да и кто им расскажет, что значит, истинная «нефера».

Это как сравнить истинного Аст-Асар и человеческую

подделку – гуманоида, инициированного драгоценным Аст-Геру. Понятно, что ни над временем, ни над пространством он не властен, получает только обострение инстинктов и некоторое раскрытие собственного потенциала, не более.

Ратлат, как любой молодой Аст-Асар, регулярно навещает Дома си-тэль, основы чаще всего брезгают. Есть среди них и такие, что никогда не видели женщин. В районы си-тэль не ездят, а в гостях женатых Аст-Асар с си-тэль можно не встретиться: женщин принято держать на отдельной территории. Так им спокойнее и надежнее.

Ратлат уже решил, что когда Коин войдет в самостоятельный возраст, обязательно возьмет выпускницу Академии. А может, и двух, и трех, одной будет сложно. А вместе им – и веселее. А может, завести сразу и жену, и собаку? Будучи догдэ, у Ратлата весьма ограниченное личное время, постоянно в Райо не наездишься. Взять жен можно было и раньше, как и отправить Коина на проживание в школу, как того хотел отец, но Ратлат не спешил.

Самого Ратлата отец отдал в школу, когда ему едва исполнилось четыре. И Ратлат хотел, чтобы брат успел хоть немного побыть ребенком, тем более что возможность для этого у семьи есть.

А к си-тэль прекрасно можно слетать и в Райо.

Последнее, на что упал взгляд Ратлата перед тем, как его дорн вышел в свободный коридор и взмыл вертикально вверх, был огненный, сверкающий в свете дня, пик Начала

Пламени.

Отец говорит, с тех пор, как ушел Пламень, Началу нужно дополнительное укрепление, над пирамидой выстроен пик из Аст-Геру, но сила его стремительно поглощается Нефтидой. Нужна нефера, нужен живой Пламень, душа Нефтиды, но есть ли шанс его встретить и вернуть на Ашт?

Дядя Ратлата, Аоллар, отправился на поиски Пламени за-долго до появления Ратлата на свет, и до сих пор не вернулся.

Когда Ратлат был ненамного старше Коина, Ашт постигла новая беда: ушла Вода.

Над голубой пирамидой Начала Льда тоже появился пик Аст-Геру, столь же стремительно тающий, как и пик Пламени.

Если пять Начал перестанут удерживать Кольцо Ашт, Вершине Мира наступит конец.

Основы говорят, это последнее Начало. Начало конца.

– Это так, – Леосгар окинул долгим задумчивым взглядом плечистого юношу с длинными белыми волосами. Семья падаан-до. Основ прекрасно понял, что Ратлат прилетел получить Аст-Геру. Думал, отвечать, или нет. Наконец, решил.

– Все так, – повторил Леосгар. – Слабеют Начала – слабеет Ашт. А чем слабее Ашт, тем слабее Аст-Геру. Но, сам понимаешь, им об этом знать не стоит.

Ратлат кивнул.

Последняя партия, в сто пятьдесят исталлов, потеряла силу вдвое быстрее, чем та, что была перед ней.

– Где напасешься на вас столько, – бормочет основ, ведя Ратлата по коридору BASopa, или, правильнее, BASop117.

– Жди здесь, – сухо бросил, скрывшись в узком проеме луке.

Каждый раз, когда Ратлат бывал в такой пугающей близости от Кольца, его телом время от времени непозволительно овладевало необъяснимое блаженство. Сладкая судорога то и дело давала знать о себе, проявляясь неожиданно, в самых разных местах. И будоражащее осознание того, что он находится в самом опасном месте Ашт, ни при чем. В этом блаженстве, которому невозможно противостоять, и заключается главное коварство и опасность Тела – поддашься порыву, войдешь в узкий розовый коридор, словно железные мышцы сомкнут стены, раздавят, размажут то, что недавно было Аст-Асар.

Только основы могут противостоять искушению Тела.

Кольцо Ашт – не простое планетарное кольцо – из пыли и льда. Внешне, и на девяносто девять уке – такое же. Но в одной из полостей спрятан розовый манящий лабиринт, наполненный сладким, чудесным воздухом – то самое Тело, где добывают бесценный Аст-Геру.

Живой Аст-Геру.

И розовые, пульсирующие стены – живые.

И смысл их автономного существования – ненависть к Аст-Асар.

Жизнедеятельность Аст-Геру протекает вне времени, вне пространства, и носящему дает над властью над ними.

Власть над временем и пространством.

Аст-Асар носят Аст-Геру внутри своего тела. Вступая в контакт с плотью и разумом астары, Аст-Геру делает его Аст-Асар. Вот только от этого контакта с Аст-Асар Аст-Геру стремительно – с каждым полным оборотом Ашт все быстрее и быстрее – иссякает.

Догдэ Ратлат знает, что термин иссякает не совсем верный – Аст-Геру гибнет.

Корабли, построенные с использованием Аст-Геру, миллиарды лет пролетают как рейсовые. Галактики для Аст-Асар – близкие, как планеты одной системы. Корабли на двигателях из Аст-Геру самые быстрые и прочные. А основы, старейшие из Аст-Асар, по-прежнему могут пронзать на этих кораблях временные потоки. Вот только сейчас в этом нет никакого смысла. Вмешательство Аст-Асар в низшие миры приостановлено. Сильно приостановлено.

*

Есть серьезное препятствие по добыче драгоценного Аст-Геру.

Извлечь Аст-Геру из розовой пульсирующей плоти стен

не может ни один Аст-Асар. Войти в лабиринт Тела могут только основы, те из Аст-Асар, кто помнит времена былого величия Вершины мира. Но их, основ, осталось слишком мало. Леосгар, и отец Ратлата – Вейстар, одни из них.

Приедем, старателям, этому галактическому сброду не стоит знать, как важна их работа для Ашт. По злой иронии ненавидящих Аст-Асар Нефтид, вход в рудники открыт для низшей расы.

Ратлат открыл несколько окон на панели. Ему всегда нравилось наблюдать путь отца или Леосгара по розовому лабиринту рудников.

Освещенный зловещим серым светом отсек, вырубленный в Кольце – он зарастет через сутки, когда добыча в нем будет объявлена закрытой. На экране мелькают фигурки старателей. Ратлат сделал звук погромче – кажется, спорят о чем-то.

Вот один, длинный, с зеленоватым оттенком кожи, поднимает над головой серый тусклый камень. В ответ раздается гогот.

Ратлат усмехнулся.

А парень, похоже, не понимает, что не так. Наверно, недавно на добыче.

– Не радуйся. Это даже не герутарий. Его все меньше и меньше. А ты думал, в первый же день заработаешь на собственный планетоид.

Опять смех.

Бородатый громила неопрятного вида ободряюще хлопает долговязого по плечу.

– Да не психуй ты, как девочка! Куда, придурок? Подымай иди. За это гуано тоже заплатят. Не как за герутарий, но на местных сучек хватит.

Остальные вторят неприятным смехом.

К говорившим приблизился рослый высокий мужчина, коротко стриженный, с сединой на висках и шрамом через правую половину лица, с половинкой, нет, даже обрывком правого уха. По его уверенной поступи и шестиугольной звезде на плече понятно, что он здесь главный. Обзорщик.

– Чего замерли? Забыли, что вы здесь не капитаны, не сынки богатого папочки, а такие, как все? Или будете трепать языками, как поселенские бабы, пока остальная команда рвет задницы? Свали с дороги, Брэг. А ты, дибилоид, давай свое гуано, – обзорщик достал регистратор и щелкнул им у камня, регистрируя находку и нашедшего, после чего, изъял мертвый сгусток и пошел дальше.

Вернулся Леосгар.

– Держи, – он протянул Ратлату плоский короб.

– Но здесь...

– Помолчи, – поморщился Старейший. – За остальным приедешь через шесть ситэра.

– Все так плохо?

– А что ты хотел? Единство мира нарушено. Ашт погибает.

– Но мы ведь можем переселиться на другие планеты, как низшие колонисты.

Старейший развел руками.

– Мы – можем, Аст-Асар – нет.

– Как?

– Вот так. Сыновья Ашт – часть Ашт.

– Но вы говорите, что мы... Нет! Вы хотите сказать, мы станем низшими?

– Неизбежно. Итак, истинных Аст-Асар почти не осталось.

– Как же... А Аст-Геру...

– Аст-Геру. Ты видишь, его все меньше, все меньше. Все хуже. Аст-Асар – только основы. А сколько нас? То-то и оно.

– Но мы...

– Сопляки. Мните себя Аст-Асар, а что вы можете? Управляете временем? Пространством? А может, просто просчитываете на несколько ходов вперед, чему вас неплохо учат в школах и ситах, не больше? Зачем вам Аст-Геру? Если и с ним у вас все чаще и чаще случаются ошибки... Умение в и д е т ь, чтоб ты знал – это умение заглянуть в душу, а не чтение психологических портретов, пусть и тонкое. Управлять силой мысли, это не ваше тупое решение математических задач... Да, поддавшись недостойным инстинктам, вы можете убить силой мысли, но это ли контроль, это ли управление? И куда вам за пределами Ашт? В навигаторы или наемники к низшим? А может, в Охотничьи псы Альян-

са? Ловить всякий сброд по окраинам Млечного Пути?! Вы для этого рождены высшей расой?!

Основ поджал тонкие голубоватые губы, замолчал.

Пока говорил, ни один мускул не дрогнул на лице Ратлата. Но когда закончил, известный догдэ взял на себя смелость спросить.

– Что можно сделать, чтобы предотвратить гибель Аст-Асар?

Леосгар махнул тонкой, жилистой, но все еще сильной рукой.

– Нефтида сказала, что с утратой Начал Ашт обречен. Погас Пламень – и тотчас Сила Аст-Асар стала лишь воспоминанием. С утратой Воды стало еще хуже.

Не вернем Начала, и... наш мир уже мертв.

Глава 2

Сагастр. Свергнутый правитель

Империя Соул

– Что с бунтовщиками? – слегка нахмурил брови Сагастр, ощущая, как приятно перекатывается под пальцами нежная плоть. Один из последних трофеев, взяли у трех красных звезд, бывшей Мелиопетии, – дочь она этим двум узкоглазым, или племянница? – закусил от боли губу. Раскосые влажные глаза с мольбой таращились в сторону разинутой пасти двери, стараясь не смотреть на Сагастра. По исцарапанным щекам потекли новые потоки слез.

Не успели, не успели дорогуши смотаться на Алквисту. Не повезло.

Кажется, Вакаг что-то сказал. Ах, ну да, он же сам спросил. Сагастр уловил только конец.

– ... в Вийе.

– Топили? – Сагастр дернулся, отрываясь от плачущей девушки. – Ну-ка, – наследник щелкнул пальцами. – Дай ножницы.

Хрупкая азиатка дернулась, как от удара.

Сагастр ободряюще похлопал по мокрой щеке.

– Угу, – Вакаг протянул ножницы. – Прилюдно, согласно

приказу.

Наследник удовлетворенно кивнул.

Девчонка прижалась к коленям мучителя, вцепившись пальцами в неровные складки синей замши, и, дрожа, повизгивала.

Если с бабами всегда так просто, почему императрица до сих пор не сломалась?! Проклятье черной дыры!

Вой девки начинал раздражать. Как и упорство, с которым она вцепилась в спущенные штаны наследника.

Удар наотмашь заставил разжать пальцы и перевернуться, чтобы, неловко скрючившись, упасть на спину.

При падении тело неприятно хрустнуло. Но хотя бы за-
ткнулась, и на том спасибо. Сагастр даже передумал играть
в одну из своих любимых игр. Как всегда, мысли о матери
заставляли терять контроль.

Небрежно отшвырнув ножницы, Сагастр натянул штаны,
и направился к выходу, отпихнув обнаженное тело ногой.

– А с девкой что? – крикнул Вакаг вслед.

– Что хочешь, – равнодушно бросил Сагастр через плечо. – Меня раздражает ее визг.

Сейчас были дела поважнее. Пятый бунт за неделю. Откуда они только берутся? И берут оружие и припасы?

*

– *Всех не перетопишь*, – сказал покойный император.

– *Посмотрим*, – криво усмехнулся Сагастр.

*

Надо будет – и перетопит, и перевешает, и лично скормит рыбам-собакам на главном городском атолле.

Он должен был стать императором еще неделю назад! Пора кончать с несправедливостью!

*

В комнате, куда вошел наследник, царил прохладный полумрак, и сильно пахло лекарствами. Императрица нужна живой. Пока.

– Состояние стабильное, – услужливо кивнул новый придворный доктор.

Сагастр дернул квадратным подбородком в сторону проема, приказывая костоправу выметаться. За исполнением воли наследника дело не стало.

Силовые наручники – отличное изобретение цивилизации. Хотя в своих забавах с трофеями и соплеменницами Сагастр предпочитал действовать по старинке – сталь, та, что самая прочная, а то не напасешься... Ножи, а лучше тупые ржавые ножницы, хлысты, кожаные ремни и петли... Но это трофеи, и, опять же, антураж.

А здесь нужно наверняка.

Поэтому ничего лучше не придумать, чем электрический силовой стимулятор. Заряды можно направлять в любую часть тела, к любому органу, усиливая, снижая, играя на чередности степени воздействия и интенсивности. Даже управлять кровяным давлением. Прелесть, а не прибор.

Раз уж побои и угрозы оказались бессильны.

Да и удобно, когда объект висит в воздухе – в той позе, которую задашь. Целое поле для творчества.

Сагастр оценил обстановку, скользнув взглядом по показателям приборов и датчиков. Высыпал сладкую пыльцу прямо на панель и вдохнул, с замиранием сердца ловя резкий взлет шипящих сиреневых крупинок.

Зрачки наследника расширились, и пухлые, покрасневшие веки еще больше надвинулись на глаза, создавая сонное и усталое впечатление на молодом, но уже успевшим утратить упругость, одутловатом лице.

Сонный, изучающий взгляд медленно пополз по женщине в силовом капкане, из груди Сагастра вырвался полувдох-полустон. Немного ватные поначалу пальцы прошлись по панели, придавая висящему телу вертикальное положение.

– Привет, – рука наследника дернулась, словно хотела изобразить традиционный знак приветствия, но усилием воли осталась на месте. – Мама.

Сморщенные веки женщины дрогнули, в глазах мелькнуло узнавание.

– Ломаешься? – Сагастр прищурился. Не дождавшись ответа, продолжил. – Всего делов! Избавь себя от этого униженного, неподобающего твоему статусу и происхождению, положения! От неудобства, наконец! – последнюю фразу наследник взвизгнул, сорвавшись на фальцет. И, уже более сдержанным тоном, добавил. – А своего сына от томитель-

ного ожидания. Престол Соул, мама...

— У меня... нет... сына, — прохрипела висящая над полом женщина, и в тусклых, запавших глазах ее мелькнула ненависть, — нет наследника.

— Вот как ты заговорила, мама... Ты ведь мать мне, черная дыра тебя подери!! — Сагастр опять сорвался и стукнул кулаком по панели, с которой взлетели в воздух две оставшиеся крупинки сиреневого цвета. Крупинки медленно закружились, а потом застыли в воздухе. — Престол императора Соул — мой по праву.

— У меня. Нет. Наследника.

Твердый, как атоллы Соул, тон, сталь почти угасших глаз, вспыхнувшая серым огнем, напоминающая холодную сталь взгляда самого наследника, упрямо задранный подбородок, — все говорило о том, что императрица умрет, но не передаст сыну престол Соул.

А если увеличить напряжение?

Вместо ожидаемой муки изможденное, изуродованное пытками лицо озарилось усмешкой. Бывшая императрица сошла с ума?

— Они идут. Уже почти... Здесь. Идут. За тобой. Народ спасет свою императрицу.

Императрица торжествовала.

И, похоже, справедливо.

Сначала Сагастр решил, что мать опять бредит. Что у нее что-то со слухом. За время, проведенное в этой комнате с

серыми хромовыми стенами, с ней нередко случались галлюцинации. Она говорила с покойным императором, с сестрами, с друзьями. Нередко звала на помощь. Но ни разу не попросила пощады. Ни разу.

И то, что мать не сломали ни сладкие обещания, ни пытки, заставляло Сагастра сатанеть.

Под окном отчетливо нарастала волна гула, с каждой секундой обретающая форму. Теперь и Сагастр слышал.

– Свободу императрице Соул!

– Свободу императрице!

– Она где-то здесь!

– Подонок слишком труслив, чтобы убить ее...

Сагастр в последний раз взглянул в лицо матери.

– Твое последнее слово, мама?! Хочется жить?

Но императрица не слышит его.

*

На хрупкой грани забвения и реальности, перед серыми стальными глазами мелькают широкие коридоры дворца. Слишком низкие поклоны подданных, их чересчур натянутые улыбки пугают неестественностью. Но больше всего пугает непривычный запах. Этим запахом встретили императрицу Соул родные стены после возвращения с Земли. И в низких поклонах, бегающих глазах и улыбках, в повисшей в воздухе тишине ей слышится угроза.

Угроза, повисшая над родной планетой. Угроза, сжимающая когтистые лапы над супругом, блистательным императором Планеты Семи Лун. Соул.

На космодроме, вместо собственных слуг ее встретили трое друзей Сагастра. С почестями, подобающими ее титулу, проводили в посадочный шаттл, который доставил их во дворец.

Ей кажется, или встречные по дороге в тронный зал подданные не смеют поднять глаза на приспешников сына? Ведь никогда не одобряла эту дружбу, но разве Сагастру указ, кто-то, кроме отца?

В тронном зале пусто, только запах, запах беды по-прежнему преследует ее. Правда, сейчас он окрашен нотками сладкой пылицы с Весты. Последний раз она была здесь две недели назад, перед самым отъездом.

За сорок лет брака она ни разу не видела императора в такой ярости, как в тот день, перед отлетом.

– Я никогда не передам престол тому, кто не в силах контролировать низменные, животные инстинкты! – император Соул брезгливо морщился, вытирая руки.

Это было... да, две недели тому... накануне ее отъезда на Землю.

Не зная, что делать, императрица попыталась успокоить мужа:

– Слишком поздно мы узнали о его болезни.

– Болезни? Очнись, женщина! Подлость и слабость натуры ты зовешь болезнью!

Сагастр не спешил подняться с пола. Он вытирал разбитые в кровь губы, размазывая кровь и сиреневые полосы по бледному лицу. Холодный насмешливый взгляд сквозит ненавистью.

– Он будет лечиться. Прошу тебя.

– Мать, – презрительно выплюнул муж, покидая зал.

*

Императрица улетала с тяжелым сердцем, но сейчас понимает, что вообще не стоило покидать дом. И мужа.

Но вопрос «где император» она получила вялый и неубедительный ответ, что его величеству нездоровится. Хуже всего, что с космопорта муж не отвечал на позывные, а потом ее орм перестал реагировать на команды.

В покоях супруга она не нашла. Зато нашла сына.

Лихорадочный, больной блеск глаз Сагастра. Ему... все еще нездоровится?.. С трудом фокусируемый на ней взгляд... Прядь волос, прилипшая к высокому лбу... Не узнает?

Он же ничего не соображает, – поняла она. Пьян. Или под воздействием сладкой пыльцы?

Оказалось, соображает больше, чем могло показаться на первый взгляд.

Сагастр понял, кто перед ним, и пухлые потрескавшиеся губы растянулись в отвратительной ухмылке.

— Г-г-г-в-в-ввв..

— Где отец?

— Г-В-в-вв-взять, — сказал он тем, кто стоял за спиной. Почетный караул оказался конвоем.

Императрица возмущенно оглядывается. Она и подумать не могла, что приказ утратившего человеческий облик сына будет выполнен. И зря. В тот же миг, когда она собиралась приказать вызвать к Сагастру врачей, и перевести сына на принудительное лечение, когда ее губы разжались, на них легла широкая ладонь. Из рта женщины, забившейся в руках конвоиров, успел вырваться лишь короткий стон.

Вдогонку ей раздается:

— Отец приболел! Сильно приболел, мама! Г-г-г-Ха-ха-ха! Я не очень разбираюсь в медицине, но доктора говорят, это заразно. А, знаешь, что самое печальное? Он заразил тебя! — и снова издевательский хохот.

Тогда она и подумать не могла, что император уже убит.

*

Хлесткая пощечина на мгновение вернула императрицу к жизни. Открыв глаза, увидела перед собой искаженное гневом и страхом лицо Сагастра. Кажется, он что-то кричит ей.

Брызги слюны капаят на лицо. Не хочется видеть... сына. Императрица закрывает глаза и падает в приятную бесчувственную прохладу. Почему никак не вспомнить лицо мужа?

Разряд возвращает в сознание.

Опять боль?! Нет!

Нет, пожалуйста, я больше не могу!!!

Все!

Все, что угодно, только не боль!..

Нет сил терпеть. Нет...

– Права на престол, мама! Если хочешь жить...

Слабый кивок, как по волшебству, убирает боль.

Императрица с трудом раздирает запекшиеся губы.

Сагастр включил запись.

– Я, императрица Соул, – сипит она, сглатывает, и дальше говорит уже более быстро и уверенно. – Пребывая в солнечном рассудке и лунной памяти, заявляю, что ни у меня, ни у моего мужа нет и не было наследника для передачи престола. Закон Соул...

Женщина не успела договорить, седые обрывки волос взметнулись, когда голова безвольно откинулась назад, отброшенная ударом в челюсть. Порыв бешенства заставил Сагастра забыть о стимуляторе.

Через несколько секунд, переведя дух, наследник понял, что гул перед дворцом усилился. Значит, остается одно.

– Сука, – прошипел Сагастр.

Увеличив разряд в несколько раз, с минуту смотрел на те-

ло матери, выгнутое дугой, а когда отпустил кнопку, взгляд императрицы потух.

Мать в любом случае не стоило оставлять в живых. Престол Соул передается только волей императора. Что удастся сломать отца – Сагастр и не ждал. Но что не удалось справиться с матерью, которую всегда презирал за слабость и мягкотелость...

Оставаться здесь больше нельзя.

Крики приближаются. И раздаются уже в широких коридорах дворца.

Если бы императрица назвала преемника, никто не посмел бы обвинить нового Императора. Но сейчас у него нет статуса неприкосновенности.

Проклятье!

Сагастр не думал, что придется покидать родную планету. Не думал, но... На всякий случай полностью экипированный корабль ждет на орбите.

Сорак

Солнечная система, на подлете к Луне

Сорак считал себя чертовым везунчиком. Избавиться, наконец, от сукиного сына и повидаться с Вайгом, что это, как не чертово везение? Не сказать, что бывший наемник сенти-

ментален, а работа Охотником за головами вообще не располагает к сантиментам, но увидеть капа, посидеть по-мужски, вспомнить... А вспомнить есть что. И это, Магелланово Облако мне в задницу, здорово.

А если слова одной их общей знакомой окажутся правдой, то Натан Вайг обязательно присоединится к нему в квесте. И бабла срубят не по-детски, и молодость вспомнят, потрянут адреналином. О лучшем напарнике, чем кап Вайг, Сорака и не мечтает.

Бывший кап, – поправился Сорака. Если верить этой вертлявой сучке Эсти, Вайг больше не капитан. То ли Альянс изъязл его корабль, забавная, кстати, лайба, класс «чайка», но вполне на ходу!.. То ли Гром не выдержал очередной передраги. Кажется, выкуривали на хрен тоа-цев с Сиенсы-3, освобождали рабов. Что-то такое было в новостях.

Сержант в отставке, причем из бывших «автономных», отправился воевать на стороне Альянса.

– Не на Альянс! А на стороне людей, – сказал Вайг Сораку.

– Ты веришь, что у Альянса не хватает своих сил? – справедливо заметил Сорака. – Раньше не замечал за тобой тугодумия. Или дебильной наивности.

– Не верю, – пропустил хамство мимо ушей Вайг. – Но уверен на сотню чертовых гала-милле, что Альянс не пошевелит даже волосами на своей заднице, чтобы спасти людей. В освобождении участвует армия из добровольцев.

– Ты капитан, тебе решать, – пожал плечами Сорака, оста-

ваясь при своем мнении. За шесть лет полетов на Громе он успел подзабыть о том, каково это – быть вольным стрелком. И в тот день, глядя на сиренево-розовые сполохи солнца Вилии, понял, что пришло время вспомнить.

А вспомнив, понял, что и не хлебал толком свободного плавания.

Годы рядом с бывшим сержантом, Вайгом, отличным бойцом и неплохим, но порой слишком уж скрытным, парнем, не обошли бывшего наемника стороной.

Бесценные для человека его профессии навыки фикнианского рукопашного боя, умение обращаться с оружием – настоящим оружием, а не тем дерьмом, каким их снабжали в Какилее.

Родной дом Сорак – скромная колонизированная луна, где, с шестнадцати лет, Сорак собирал «налоги» с «землепашцев» и возвращал в разум и поселения загулявших фермеров. Рано повзрослев, как и все, кто родился и вырос на Сьерре-Алквисте, Сорак научился по-мужски решать вопросы с «серьезными людьми», качественно зачищая то и дело, вылазящих, как грибы, конкурентов.

Тогда в его распоряжении были максимум веерники устаревших моделей, охотничьи ружья, винтовки, давно забытые на планетах Альянса... Сорак только потом понял, каким зеленым юнцом Вайг взял его на Гром. Наемник, в глаза не нюхавший настоящего оружия. Бластера, например, или халце-дономета... Или того же рельсотрона, стреляющего плазмой.

Не сразу, но у Сорака появились нужные знакомства и собственные связи, бывший наемник научился вести дела с серьезными людьми. И в тот день, когда Вайг решил заделаться волонтером Альянса, с луны Вилии, на старом, выдавшем много передряг на своем веку, истребителе, отчалил не простой наемник, а начинающий Охотник. Охотник за головами.

*

За шесть лет свободного плавания Сорака успел сменить дышащий на ладан истребитель на небольшой маневренный Боенг, класс линКР, «призрак». И завоевать кое-какую репутацию.

К Архаику – такое прозвище Сораку дали за абсолютно седую, несмотря на возраст, голову – обращались в щекотливых ситуациях, полагаясь на безупречную репутацию Охотника. Принципы, гордо именуемые на Громе «кодексом», что намертво вбил в голову Вайг, окупались с лихвой. Ни один из нанимателей не усомнился в конфиденциальности, и в том, что Архаик сдохнет, нежели даст себя взять и провалить задание. А без этого стать Охотником без шансов, Охота – это постоянный риск, но риск не репутацией, а жизнью. Как жизнь, так и репутацию, вторую не купишь, даже при продаже всех органов в лаборатории Аломеи, но между потерей жизни и потерей репутации, настоящий Охотник, не

сомневаясь, выберет первую.

Вот и с новорожденным Теслой пришлось повозиться.

В четырнадцать, когда сверстники вовсю баймят и квестят, когда любой нормальный ребенок должен скрипеть зубами над анналами истории освоения космоса и становления Альянса, постигать азы Информатория и премудрости тригонометрии (Сорак понятия не имеет, что это, просто нахватался от одного печально знакомого миссионера-фикнианца мудреных слов, и теперь с гордостью вворачивает их в разговоры, пусть даже и с самим собой), в общем, когда нормальные цивилизованные дети занимаются тем, что прилично их возрасту, этот крысеныш умудрился наладить на одной из заброшенных лун подпольное производство.

Производство небольшое, но крепко стоящее на ногах. На луне разместился заводик по выпуску запрещенных силовых стимуляторов. Запрещенных, потому что востребовано это чудо техники оказалось разве что для пыток. В медицине приборы тоньше и точнее, качественнее. А то, что производилось на луне с многообещающим названием Лунная Соната под видом синтезаторов, на ура раскупалось на далеких от цивилизации и совести планетоидах и лунах.

Главу преступной группировки, по совместительству любимого сыночку-тинейджера четы толстосумов, Сорак отслеживал не по заказу Альянса. Вольный стрелок, правительственными поручениями Архаик не брезговал.

Отказываться от натов, текущих на счет? Кем-кем, а иди-

отом Сорака не был.

Пока у Альянса есть задачи, которыми можно замарать руки в стерильных хирургических перчатках, Охотникам можно не париться за будущее.

Крысеныша, известного в Сети под ником Тесла, заказали Архаику собственные мамочка и папочка. К слову, конкуренты по продаже нелегального оружия и орудий пыток. Специалисты в области военного искусства, так это нынче называется.

Что предки с пащенком не поделили, Сораку не интересно. Свою задачу Архаик выполнил: мальчишка найден, погружен на корабль, и место передачи – одна из лун Солнечной Системы – вон, растет на экране. А то, что щенок чуть было не оставил его без правой руки – и даже регенератор АХ33-втс, последней модели, портативный оказался почти бессилён, наверно, шрам останется – так нечего было клювом щелкать. Заказчики не скрывали нюансов подлой натуры маленького подонка, даже наоборот, Сораку дано было понять, что малец особо опасен.

Да и смысл нанимать Охотника, тем более его уровня, чтобы поймать и вернуть в отчий дом пацаненка-шалуна. Сам виноват. Ну и еще хрупкий, болезненный вид парнишки.

Пульт подмигнул зеленым глазом – крысенышу что-то понадобилось. Жрать наверно, или по нужде. Может, ну его, перебьется? Что тут до Луны осталось?

А что в отчий дом вернется с хорошим аппетитом и в ис-

пачканых штанах, предков должно умилить. Ишь, изголодался, родимый, да трепещет перед справедливым ата-та.

Уж не знаю, как тебя, крыса вундеркиндистая, будут дрессировать, и на каком силовом поводке по отчему дому водить, думал Сорака, но мне ваша семейная драматургия до сиреневого спектра.

Тем временем пальцы прошлись по панели – все-таки стоит взглянуть, что у сосунка. В конце концов, мелкий поганец – его работа, за которую Архаик уже аванс получил и потратил, и еще вдвое больше, получит. А товар должен быть в идеальном состоянии.

Мелкий поганец, надежно спеленатый сложной композицией веревок и ремней, был пристегнут к откинутому креслу механика. В ожидании Сорака он лежал, запрокинув голову на тонкой шейке, и, даже в тишине космоса не слышно его дыхания.

Сорака не спешил подходить. Правая кисть еще болела, напоминая о недавнем секундном замешательстве, чуть было не стоившем руки. Да и карьеры Охотника. Потому как с биопротезом, который может отказать в любую минуту, какой из тебя Охотник.

Светло-русые кудри парнишки растрепались, челка откинулась, открывая слишком бледный лоб, глазенки закатились, прорези век мелькали голубоватыми, как у новорожденных, белками.

Если бы не опасность, которая исходит от вундеркин-

да-недомерка, пацана можно принять за ангела. Впрочем, менее чувствительному Сораку объект напоминал больше пай-мальчика-мажора, олигаршонка, наподобие отпрысков алмазного короля Скрыльски.

– Эй, – позвал Сорака крысеныша.

Объект не шелохнулся.

Взгляд Сорака упал на безвольно повисшую тонкую, бледную кисть засранца. Бледность подчеркивала тоненькая, не сразу заметная, темно-бордовая струйка, стекающая на пол, в небольшую лужицу.

– Черная дыра меня раздери, – только и успел пробормотать Сорака, двигаясь вперед.

В голове уже неслись гоночными мобилями мысли о навеки загубленной репутации, и о том, на какой хрен она теперь ему сдалась.

Репутация Охотника – последнее, что может служить утешением по сравнению с тем, что родители малыша сделают с ним. А то, что вскоре Сораку придется завидовать пленникам каннибалов-тро-всов, не вызывает сомнений.

Некстати вспомнилось, что мамаша крыски – ангельской внешностью мелкая гнида, так подгадившая напоследок, пошла в нее, – ближайшая родня – дочь там, или внучка, самого Мишки. И то, что сам давно вышел на заслуженный отдых, ничуть не мешает его репутации до сих пор вселять ужас в самых отъявленных и закоренелых отщепенцев Серого Облака.

Сорак даже не обратил внимания на то, что не далее, как пару часов назад, надежно и собственноручно связанный малец, лежал, вытянув в сторону руку.

А когда задним умом подметил несоответствие, было поздно.

Горло Архаика сжала невидимая струна силовых наручников.

Он же просто отрежет мне голову, мелькнуло в мыслях Сорака. Какая глупая и нелепая смерть для Охотника за Головами.

Но духи судьбы и удачи Какилеи были сегодня на стороне Сорака.

То ли крысеныш не успел вовремя дернуть невесть откуда взявшееся у него силовое поле, то ли ослаб в дороге, а может, от неудобной позы у него свело руку, но в следующую секунду Сорак уже сидел на объекте верхом, надежно блокировав мощной ручищей все пути демарша, и отвешивал крыске оплеуху за оплеухой.

Он проучил бы поганца как следует, да только передача уже меньше, чем через два часа, так что калечить нельзя.

Быстрыми, слаженными движениями, Сорак обработал рану на руке мальчика – чертов псих исполосовал вены, чуть не до кости. О чем только думал?! Ведь и регенератор не помог бы, замешкайся Сорак хоть на секунды! Ходить бы пацану с протезом! А Сораку огребай от заказчиков претензии насчет целостности объекта!

И ведь не собирался идти, не хотел!

Из-за этого Сорак готов был собственноручно оторвать крыске все лапки.

– Архаик, погоди, – слабым, виноватым голосом позвал пацан.

Еще чего! Мало ему хлопот от недомерка?!

– Скоро предкам будешь задвигать, что бы там ни было, – процедил сквозь зубы Сорак, и не сдержался. – Гнида.

– Меня вообще-то Майклом зовут, – вздохнул пацан. – Мишка по-русски. В честь прадеда.

Ага. Значит, все-таки Мишка.

И пытки электричеством – это у вас семейное веселье. Сорак пожал широкими плечами. Он не собирался слушать мальчика. Пора было снимать автопилот, чтобы запросить разрешение на приземление. Прилунение.

– Не отдавай меня им, – несколько раз моргнув, словно отгоняя непрошенные слезы, попросил ребенок.

Сорак даже улыбнулся. Криво, но улыбнулся. Смешнее пацан ничего придумать не мог.

За карьеру Охотника Сорак привык к чудачествам объектов и не попадал даже в мастерски расставленные ловушки. Даже тогда, когда одна очаровательная, но порочная мисс предложила... Неважно что, репутация дороже.

Сорак ощутил напряжение внизу и одновременное облегчение от того, что скоро, очень скоро, получит разрядку. Правда, в ущерб счету, но он заслужил отдых. На цивилизо-

ванной Луне просто обязаны пасть цивилизованные шлюхи.

– Помоги, – крысеныш прервал приятные мысли. – Отпусти меня, Архаик.

Сорак не ответил, и малец добавил совсем тихо:

– Они мне не родители!

– А кто?

Пацан промолчал.

Сорак направился к выходу.

– Все равно не поверишь!

– Ты прав, – Сорак обернулся, заслонив плечами проем. – Не поверю. Ты думал убедить меня, пытаюсь убить?

– Я не тебя хотел убить, – серьезно ответил Мишка. – А себя.

Вообще-то, судя по глубине пореза – Сорак так и не нашел, чем себя искромсал новоиспеченный Тесла – это похоже на правду.

– Так нечего было трезвонить, – пожал плечами Охотник. – Глядишь, и скопытился бы уже.

Страшно стало, – подумал Мишка, но вслух говорить этого не стал, провожая взглядом широкую спину Архаика.

Раки

– Иди, иди в Черный Коршун. Там тебя и сожгут. Не посмотрят, что кровь голубая, – почтенная мисс Эштон скептически жевала губами, неприязненно оглядывая новое, в пол, из плотной синей ткани, платье.

Раки наденет его завтра на собеседование. Когда пойдет в Гнездо Черного Коршуна. Раки сделала вид, что смахивает ворсинку с рукава, а мисс Эштон отвернулась. Вся поза экономки показывала, что известие о том, что Раки собирается покинуть службу у Полстейнов, ничуть ее не тревожит.

Раки упрямо закусила нижнюю губу и ниже склонилась над столом, отбраковывая незрелые, бледно-лимонные зерна курпицы от основной, яркой канареечной массы. Если сварить их все вместе, каша будет горчить, а курпичный пудинг, который хозяйка хочет на завтрак, не получится нежным и воздушным.

– Молчишь? – нахмурилась экономка и оторвала взгляд от домовой книги, куда аккуратно переписывала сегодняшние покупки. – Не хочешь говорить? А может, сказать нечего? Ишь, сопит в две дырки! – мисс Эштон жгла взглядом желтоватые страницы.

Подмечено верно: над горками курпицы раздается сопение. Никаким иным способом, того, что слышит недовольное бормотание старой мисс, Раки не показывает.

Рядом с Раки бухнулся об стол старинный железный кан-

делябр с тремя сальными свечами. От неожиданности Раки нервно дернулась, но губ не разжала, что распалило старую экономку еще больше. Вот и заботься о неблагодарной девчонке! Ведь рта не раскроет, даже чтобы «спасибо» сказать.

Мисс Эштон нервно заозиралась вокруг. Она явно искала повод для скандала. И повод быстро нашелся: он висел на спинке стула, рядом с низким трехногим табуретом, на котором сидела Раки. И повод этот был чистым, длинным, добротнo пошитым, синего цвета платьем из грубой шерсти.

В этом проклятом платье маленькая ундина завтра сбежит в Гнездо Черного Коршуна, оставив ее одну на хозяйстве. А где найти другую, такую умелую и расторопную помощницу? Еще и такую, что умеет язык за зубами держать. И вообще болтливостью не отличается.

По иронии судьбы молчание Раки, которое сейчас довело почтенную мисс до белого каления, стало основным аргументом в пользу устройства девчонки на службу в господский дом.

Раки, которую все домочадцы и слуги прозвали ундиной – за светлого, голубоватого оттенка волосы, неровными прядями спадающие до середины спины, показалась на пороге дома Полстейнов полгода назад. Вместе с десятком других претенденток, из которых явно выделялась не в лучшую сторону маленьким ростом и чрезмерной худобой. Бледная, с запавшими щеками и настороженным колючим взглядом, она молча протянула миссис Полстейн письмо с рекоменда-

цией из ближайшего аббатства, которым заведовал пастор Смолл, давний знакомый семьи Полстейн. Пастор писал, что девчонка неплохо зарекомендовала себя на кухне монастыря и вполне может подойти дому Полстейнов, прислужницей.

Придирчиво оглядев хрупкую девичью фигурку в затертом платье в заплатках, миссис Полстейн поманила Раки пальцем и задала несколько стандартных в таких случаях вопросов. Однозначные, лаконичные и даже скупые ответы ее удовлетворили: не смотря на явный поселенский говор, девчонка казалась не из болтливых. И не заметно было в ней поселенской вульгарности, так раздражающей чопорную миссис с тех самых пор, какона сама, совсем еще юной девчонкой вошла в дом зажиточного гражданина колонизированной Американским Объединением луны. Саму миссис Полстейн двадцать лет назад отдали в этот дом за долги.

За это время из тонкой, пугливой, забитой девочки, точь-в-точь, что стоит перед ней, миссис Полстейн превратилась в важную городскую даму, грамотную и прекрасно воспитанную. Но все, что напоминало миссис о жизни в поселении, в том числе и просторечный, малограмотный говор, жутко раздражало.

– Она подходит, – кивнула миссис Полстейн экономке в сторону Раки, и развернувшись, намереваясь вернуться в дом.

– Но, – робко задержала хозяйку мисс Эштон, спеша, пока та не скрылась в воротах. – Девчонка явная поселенка...

– Я вижу, – ледяные нотки в хозяйском голосе заставили

бы проглотить язык кого угодно.

Но годы, проведенные бок о бок, научили госпожу и служанку слышать друг друга без слов. А еще служанку не робеть перед госпожой.

– Остальные еще хуже, – все еще не оборачиваясь, но уже мягче сказала миссис Полстейн.

Так Раки совершила головокружительный карьерный скачок – из поломоек богомольни – в прислужницы приличного дома.

Год исправной службы, вкупе с основными обязанностями, такими, как мытье полов и окон, натираемый до блеска хрусталь, встряска половиков и пушистых настенных ковров, таскание тяжелых, оттягивающих руки корзин с рынка, сбивание масла вручную – так больше любит хозяин, готовка, большую часть которой составляет выпечка – в Йоре все помешаны на куках, запеченных или жареных кусочках теста с пряностями, и прочая грязная и не очень работа на кухне, научил Раки мало-мальски грамотно изъясняться. Настолько, что когда прислужница отвечала хозяйке, поселенский говор не заставлял ту меняться в лице, словно на зубах оскомина.

А еще этот год в тепле, достатке и душевном спокойствии, оказался самым... если не счастливым, то уж точно спокойным, в жизни Раки.

Что до тяжелой работы – к ней Раки не привыкать, да и работа в доме Полстейнов даже отдаленно не напоминает по-

селенский быт. А с монастырем и сравнивать нечего.

Раки почти перестала вскакивать по ночам от каждого шороха, приниматься то и дело судорожно шарить под подушкой в поисках тупого старого ножа, прислушиваться – не пора ли бежать. Первое время подрывалась, но вспомнив, где она, успокаивалась: отсюда не надо бежать, скрываться, прятаться. Здесь некого бояться. И здесь можно позволить себе такую роскошь, как просыпаться среди ночи для того, чтобы подумать, или даже читать книги – не то, что в монастыре, где на сон выделяется три-четыре часа... Там просто физически было не до страхов.

А здесь... Тоже некого было бояться... Весь год было некого! До прошлого туздыка.

А теперь... И из дома Полстейнов нужно бежать. Разнежилась, дура, начала привыкать чувствовать себя в безопасности.

Было ли раньше хоть вполтину так хорошо, так спокойно? Раки смело может сказать, что нет. Сколько себя помнит. Может, когда-то, еще в младенчестве – ведь сумела выжить в родном поселении.

И вряд ли это чаяниями матери.

Поселенские женщины, хмурые, неприветливые, преждевременно старые, и они находили место для детей в суровых, закаленных тяжкой жизнью, сердцах. Даже когда продавали заезжим пигмеем тоа, отдавали за долги, направляли в аббатства и богомольни, потому что нечем кормить. Но и они,

бывало, выли в голос, или хотя бы плотно сжимали губы, не желая показывать миру скорбь. Потому что любили своих детей.

Почему же мать у Раки совсем другая?

Может, потому, что Раки совсем не похожа на нее? Бледная, худенькая, с жемчужно-голубыми, тонкими прямыми волосами, даже отдаленно не похожа на дебелую румяную поселянку Кэтти с облаком вьющихся светло-каштановых волос с небольшой проседью у висков.

В том, что мать ей родная, Раки не сомневалась – не в духе Кэтти благодетельствовать кому бы то ни было. А Раки, как ни крути, прожила бок о бок с матерью пятнадцать лет. И ушла из дому не потому, что выгнали. Сама сбежала.

Может, дело в том, что Раки похожа на никогда не виданного отца?

Был ли отец хорошим человеком? И мог бы быть таковым, если бросил их, когда Раки, по словам матери, исполнилось всего два года?

Раки не помнит отца. Иногда, по утрам, пока сон не полностью еще покидает Раки, в воздухе, словно из тонких свешивающихся нитей ткется расплывчатая фигура высокого сутулого мужчины с длинными, жемчужно-голубыми, как у Раки, косами. Мужчина представляется каждый раз почему-то на пороге, и лучи света, бьющие из-за спины, мешают разглядеть лицо. В том, что перед ней отец – Раки не сомневается.

Жизнь научила Раки осторожности, а способность улавливать самые потаенные, тщательно скрываемые помыслы, была с детства. И от этой фигуры мужчины с длинными волосами не веет ни подлостью, ни трусостью. Никакого неприятного отклика не рождается в груди Раки. Интуиция, – слово, выученное в доме Полстейнов, – говорит Раки, что отец не был плохим человеком.

Но почему тогда он бросил ее? И заставил мать выбрать такой низкий, такой ущербный и недостойный путь? Ведь если бы не крайняя нищета... так говорит Кэтти. А у Раки нет оснований ей не верить.

И верить – тоже.

А может, отец не уходил от них? Или ушел, но не по своей воле? Может, он умер?

Нет, он жив. Та самая интуиция говорит Раки, что жив.

Глава 3

А'оллар

Венера

Аоллар перевел катер в режим бреющего полета и тот понесся над лазурного цвета волнами, словно лезвием бритвы, срезая верхушки. Иногда встречный ветер, упругими потоками бьющий в бледное, изможденное лицо Аоллара, забрасывает внутрь катера редкую летучую рыбку – узенькую, серебристую, с разноцветными плавниками-крыльями. Тонкие бледные губы Аоллара слегка раздвигаются в подобии улыбки, и он осторожно подхватывает незадачливую летунью в сложенные лодочкой ладони, отпуская за борт.

С каждым днем все стремительнее ухудшающееся самочувствие мешает Аоллару не то, что наслаждаться, но хотя бы заметить красоту венерианского заката. Нежно-розовые лучи местного Солнца скользят длинными огненными сполохами по глади самого молодого океана в Солнечной Системе. Крупные брызги из-под бортов катера переливаются крохотными радугами, а бескрайняя лазурь осторожно подымается и опускается, словно грудь спящего ребенка.

Аоллар помнит Венеру до перевода на новую орбиту – тут и там по серой, безрадостной поверхности скользят клочки

искусственной атмосферы, что никак не хочет приживаться на новом месте, и холод... да, холод.

Сейчас климат Венеры, как и состав атмосферы, напоминает земной, правда, отличается от собрата в лучшую сторону.

*

Вечная мерзлота Атлантиды, рваный, разреженный воздух Джомолунгмы, зыбучие пески Большой Песчаной пустыни Египта, — поистине адское сочетание для сорока часов, проведенных на Земле.

Особенно, учитывая возраст и пародию на здоровье одного из сильнейших Аст-Асар Перекрестного мира, Аоллара.

Казалось, что миссия на Земле провалилась, как и остальные.

Однако у подножия древней лаборатории, непонятно по каким причинам называемой местным населением гробницей, Аоллару удалось кое-что узнать...

Что-то, что в корне перевернуло долгую, и давно бессмысленную жизнь доживающего Аст-Асара. По-крайней мере, последние ее триста лет точно.

Все началось с мощного ощущения дежавю.

*

Аоллар лично видел, как строится эта лаборатория, на-

блюдал за фигурками снующих туда-сюда землян, летательными платформами и прочими благами мира Ашт, что «боги» привезли в дар людям.

Боги так боги, думал он. В конце концов, каждая раса идет по своему пути развития.

Но древние правы – из этих может выйти толк.

Лаборатория почти закончена, и Аоллар, совсем еще молодой, даже юный, любовался с ее вершины зеленым городом. Только с западной стороны отчего-то повалил черный, едкий дым. Увлекишись, Аоллар не заметил, как рядом, на платформе поднялся местный. Человек. Наверно, один из строителей.

Люди никогда не упускают случая побыть рядом с «богами», проникнуться милостью, а тут такая возможность.

Строитель гол, за исключением белой набедренной повязки, и голубого с коричневым обруча в густой черной шевелюре. Смуглая кожа, черные раскосые глаза, участливое выражение плоского лица, приоткрытый темный пухлый рот.

Проследив направление взгляда Аст-Асар, человек услужливо сказал:

– Пришел Пламень. Но он уже пойман. Нет нужды волноваться.

Аоллар поблагодарил человека улыбкой и кивком.

И вот, вчера, когда он стоял у подножия той самой лаборатории, вниманием Аоллара завладел такой же, просто точь-в-точь древний строитель. Правда, этот смотрел без восхищения, а с наглой хитринкой в черных лживых глазах.

Для этого Аоллар уже не был богом, всего лишь туристом, существом второсортным, которое можно и даже нужно обобрать.

– Господин желает получить предсказание? – нарочито ломая космолингву, человек протянул Аоллару пластиковую колоду карт рубашками вверх.

Чтобы отвязаться от попрошайки, Аоллар вытянул наугад, и обмер: в его руках оказалась теплая, почти живая, Королева Огня, восседающая с величественным видом в середине пламенеющего цветка.

И кто-то, в мыслях Аоллара, сказал основательно подзабытым голосом Нефтиды:

– Ты нашел Пламень, старик.

Аоллар ссыпал обезумевшему от счастья попрошайке десять натов за предсказание, и устремился к кораблю.

Он нашел Пламень!

А ведь три дня назад, подлетая к Земле, Аоллар всерьез раздумывал о некой сотой доле окандэ. Именно столько нужно, чтобы перевести управление дорном на предельную ско-

рость, направляя корабль не на Землю, а на ближайший астероид.

Неважно какой.

Вцепившись побелевшими костяшками пальцев в панель управления, Аоллар впервые за триста полных оборотов Ашт воззвал к Лику Нефтиды:

– С чего ты взяла, чертова кукла, что именно я, больной старик, верну столь необходимый Ашт Пламень?

Он и представить не мог тогда, что Нефтида ответит ему. Да еще так быстро.

Триста долгих лет скитаний от спутника к спутнику, от планеты к планете, и ни разу не встретилось ничего даже отдаленно похожего на крохотную искру.

Все это время Аоллару не давала покоя мысль, что будет с Ашт, если до Пламени доберется раньше Метея... и сказать по правде, Аст-Асар все чаще сомневался в выполнимости миссии.

Все зря.

Его мир, Перекрестный мир, как и сам он, обречен.

«Сначала уйдет Пламень...»

Чертов идол!..

...И Пламень ушел, и тотчас оставшиеся четыре Начала утратили Силу.

Времена, грозящие не оставить от бывшего величия Аст-Асар и следа, наступили. И наступили раньше, чем ожидал Ашт.

Те, кто сегодня зовут себя сынами Ашт – разве походят хоть немного на бывших, истинных Аст-Асар?

Аст-Асар Аоллар стар, очень стар. И он устал.

Устал еще до указания перста Нефтиды, там, в Начале родного мира. И, когда выбор пал на него, облегченно вздохнул. Поиск Пламени – возможность отдохнуть от ставших привычными, дразг некогда могучего мира.

Но все-таки Пламень пришел! Лик Нефтиды, не смотря на всю ненависть к сынам Ашт, не может лгать.

Но Пламень ищут также те, другие.

Что, если Метея давно нашла его? Нашла и... крохотную, случайную искру погасить намного легче, чем пламенеющий костер. Может, миссия Аоллара давно утратила смысл?

За последние годы нелегкие думы приходили все чаще.

И именно преддверие безысходности явилось предвестником того... что привело к Малодушию. Позору, недостойному имени Аст-Асар.

Аоллар откинул за плечо прядь жемчужно-голубого цвета. Возраст и седина тут ни при чем. Отличительная черта Аст-Асар Начала Льда.

Уже четырнадцать лет, как каждый раз, когда взгляд Аоллара скользит по жемчугу волос, Аст-Асар вспоминает о позоре.

Аст-Асар не может забыть о Долге.

Аст-Асар неведомо Малодушие.

Но те двое влюбленных, что предпочли смерть во льдах Арктишассы, но так и не разомкнули рук... Совсем молоденькие, совсем дети... Что их понесло на Пики Смерти?! Сумасшедшие юнцы. Адреналинщики.

Если бы Аоллар не подоспел, парой влюбленных в Галактике стало бы меньше.

Аоллар доставил юных безумцев в лагерь, а они чуть не забыли поблагодарить его.

У нее какая-то нелепая татуировка на шее – то ли бабочка, то ли непропорциональная птица, со сверкающими камнями вместо глаз. А еще странные железки в щеке и высоко подведенной брови. Что это? Признаки принадлежности к первобытному культу? А он обычный. Худой, как Аоллар. Только куда меньше ростом и в плечах ужсе. И ужс, конечно, не Аст-Асар.

Словно не было тех ужасных минут над пропастью, они выглядели сумасшедшие-счастливыми. И видели только друг друга.

Стартовав с покрытого льдом космодрома Арктишассы, Аоллар подумал, что привычный холод впервые напомнил боль. Долгая безупречная жизнь Аст-Асар показалась бесполезной, бессмысленной. Даже жалкой.

Двое желторотых птенцов с ограниченными возможностями, двое представителей низшей расы, нечаянно, но

необратимо разрушили спокойствие мудрого, размеренного потока жизни одного из достойнейших сынов Перекрестного мира.

Всю жизнь, с первых же дней, Аоллар помнил о Кодексе. О Долге. Перед Ашт, перед Аст-Асар, перед собственным Достоинством и Честью. Он и не подозревал, что можно жить по-другому. По-человечески. Страстями... Инстинктами... Чувствами... Эмоциями... А когда узнал, от всей души презрел образ существования низшей расы.

Существования. Потому как, разве можно назвать это – жизнью?

Смешно.

И вот настал день, когда мудрого сердца Аст-Асара впервые коснулась слабость Зависти. Когда чувство досады, ощущение обманутости липкими маленькими лапками проникло в самую душу. Проникло – и заголосило, завывало, завизжало в голос.

Впервые Аоллар чувствовал себя таким же жалким и ничтожным, как и те, кто всегда были для него стадом. И особенно больно стало от ощущения безвозвратно упущенного.

Предательская влага в угасающих глазах достойного Аст-Асар должно быть, послужила причиной непрости-тельной забывчивости. Другой причины, почему он забыл проверить показатели датчиков, оставляя за собой льды Арктиассы, не было. Он даже не вспомнил о том, что хо-

тел пополнить резерв воды.

Ровно восемнадцать полных оборотов Аишт назад.

Да. Вскоре, когда Аоллар пришел в себя, он все же заметил, что на дорне закончилась вода. Признаться, вторичную воду Аоллар не выносил. Решив, что перейти на синтетический аналог он всегда успеет, Аоллар изучил данные Информатория и взял курс на ближайшее созвездие – Систему Рака.

Три из десятиерых искусственно пришвартованных лун были колонизированы уроженцами Земли. Точнее – Американским Объединением.

Ближайшая луна приветливо сверкала голубыми ниточками рек и пятнышками озер. Ни морей, ни, тем более, океанов. Только реки и озера. Но зато их было так много!

Не задумываясь, Аоллар набрал приказ.

У нее были светлые, рыже-каштановые волосы, каскадом огненных сполохов стекающие к слегка оплывшей талии. Румяные щеки, белые зубы, полные сильные плечи – от всей фигуры в грубой холщовой рубаше, заправленной в длинную цветастую юбку, веяло свежестью и здоровьем.

А этот трогательный испуг в серых, в медового цвета ресницах, глазах! – девушка затравленно пятится назад, нервно перебирая пальцами юбку. Отступает от пятерых дико-

го вида, плечистых, коренастых парней – молодых, но уже заросших бородами, неопрятными, неровно подстриженными. Те только скалятся, переглядываются между собой, время от времени многозначительно кивая на испуганную жертву, присвистывают. И так мало человеческого в грубых поселенских лицах, что Аоллар, не задумываясь, шагнул из-за низкорослого кривого дерева, заслоняя собой девочку – ей же от силы лет двадцать. Совсем младенец.

Девчонка ойкнула от неожиданности, ведь учитывая несовершенное человеческое зрение, появление Аоллара выглядело возникновением из воздуха. А парни, презрительно окинув взглядом сутулые плечи и худобу невесть откуда взявшегося защитника, довольно загоготали.

Им повезло: и бока намнут городокскому щеголю, и девку помнут. А после драки еще и слаще будет!

Почти синхронно парни принялись закатывать рукава на могучих ручищах. Просто они ни разу не видели Аст-Асар. И, тем более, Аст-Асар в деле.

А ведь старый и больной Аоллар не воспользовался и десятой частью Силы.

Негромкий, но отчетливо прозвучавший над мелодично журчащим ручьем хруст пальцев, скрип сминаемого сустава, удары тяжелых крепких тел о землю... Аоллар не собирался калечить этот скот. Разве что, если не поймут по-хорошему...

Поняли. И брызнули с поляны со скоростью чуть ли не

самого Аст-Асар.

Восхищение, граничащее с животным восторгом в светло-серых глазах рыжеволосой поселенки. Стремительно расширяющиеся зрачки, сбившееся, потяжелевшее дыхание. И запах... Как быстро улетучились горьковатые нотки страха, сменившись чем-то сладким и густым, напополам перемешанным с мускусом...

Аоллар знал, какое впечатление на самок производят Аст-Асар. В своих многочисленных путешествиях давно привык. И относился к неконтролируемым инстинктам с немалой долей презрения и даже брезгливости, как и подобает истинному сыну Вершины мира.

Но эта золотистая россыпь веснушек на пухлых, почти детских щеках, стремительно наливающихся малиновым румянцем. Хищно расширяющиеся крылья тонкого, задорно задранного, носа. Рыжее сияние на макушке... Неожиданно посетила мысль о Пламени... Но была она как давний, успевший забыться, сон. Он подумал даже, что хорошо бы найти Пламень сейчас, и сам улыбнулся собственной глупости и наивности.

Девчонка истолковала улыбку по-своему.

Тряхнула пушистыми рыжими лохмами, и, зазывно улыбаясь, медленно задрала цветастую юбку прямо к пышной, тяжело вздымающейся груди. Открыла розовые раковины колен, несколько синяков на молочно-белой, алебастровой коже пышных бедер, каштановую поросль под округлым,

упругим животиком с аккуратной пуговкой пупка.

Бросила из-под длинных медовых ресниц взгляд на спасителя, потом медленно, с нажимом, указала глазами вниз.

Аст-Асар Аоллар никогда так близко не видел самку. Женщину. Нововведения типа Домов си-тэль, Академии он презирал всей душой. А обнаженные идолы и Лики не в счет. Те всегда были твердыми, холодными. Недоступными, недосягаемыми в своей красоте. А эта маленькая похотливая самочка, призывно скалящая белые зубы, живая, теплая и мягкая.

Сам не заметил, как это произошло – и вот Аоллар уже стоит на коленях перед поселенкой, осторожно протягивает палец и гладит каштановые завитки.

Запах сумасшедшего желания самки мгновенно усилился, обволакивая Аст-Асара теплым, благоухающим облаком меда и мускуса.

Аоллар не видит, но чувствует, девка запрокинула голову, и довольнo смеется. А потом бесстыдно раздвинула ноги.

Аст-Асар Аоллар провел в поселении Какилея луны Сьерра-Алквиста три года.

То, что с Кэтти ему не светит даже подобие того, что нашел на ледяном пике Арктшассы, Аоллар понял в первый же месяц совместной жизни. Застал стоящей у забора, с за-

веденными за голову руками – в жесте, выставляющим пышные вершины полных грудей в самом выгодном свете.

А по этим самым вершинам бесстыже, и как будто нехотя, гуляла грубая лопатообразная ручища давнего знакомого – того самого, кто при встрече с Аст-Асар отделался лишь броском о землю, без переломов.

Кэтти тихо, призывно хихикала, и этот смех напоминал нежное ржание кобылы перед случкой. Неужели он ошибся, и самка – это и правда, некое подобие домашнего животного, которое, как и любая скотина, нуждается в твердой руке и хорошем уходе?

Но ведь тогда, на Арктшассе, и близко не было ничего подобного. Та девочка даже не пыталась скрыть обожания, щедро льющегося из глаз, купая сердце счастливого избранника. Тех двоих, объединяло не только желание? Что же еще? Неужели все-таки та самая болезнь, романтично именуемая любовью?

Аоллар вынужден был признаться: он действительно заболел рыжеволосой Кэтти. Заболел настолько, что забыл о Долге перед миром Ашт, о Чести Аст-Асар, даже о собственном Достоинстве.

Да что там забыл – Аст-Асар потерял голову.

Тогда, у забора, стоило выйти из тени, и незадачливого ухажера как ветром сдуло.

А испуг в бесстыжих глазах Кэтти мгновенно сменился призывной усмешкой. В воздухе привычно запахло похотью,

и Аоллар ощутил жар и пульсирующие толчки вниз. А Кэтти расхохоталась, медленно опустилась на колени, словно ненароком поведя полной грудью по выступу его штанов, ловко обхватила умелыми пальцами пульсирующую плоть, пристраиваясь поудобнее.

Три года.

Боль разочарования чуть не заставила Аоллара покинуть Сьерру-Алквисту уже на четвертый месяц, но застала врасплох заметно покрugлевшая фигура Кэтти. Шанс, что обычная самка так легко забеременеет от Аст-Асар, один на миллион. И Аоллар отнесся к неожиданному подарку, как положено. Как к благословению и чуду Ашт.

Он даже мечтал, старый дурак, как вернется в Ашт с женой и сыном, словно забыв, что возвращение невозможно без Пламени. Но в ожидании чуда Аоллар поглупел и совсем забыл о миссии.

Одна слабость влечет за собой другую, сплетаясь, они мнут друг друга, накладываясь новыми неровными дорожками, образуя «снежный ком». И вскоре Аоллару пришлось убедиться в справедливости древней мудрости. Может, Аст-Асар покинул бы Какилею раньше, но розовый пищащий комок с пухом бело-голубых, как у него, волосенок, комок, оказавшийся дочуркой, растопил остатки льда мудрого и некогда рассудительного сердца основа, истинного Аст-Асар.

Аоллар назвал дочку Раки, в честь ее родной системы.

Выкупил солидный участок земли поселения, и почти

собственноручно построил на нем небольшой, но двухэтажный деревянный дом. Думал, сможет держать подругу в узде, надеялся, старый романтичный дурак, что материнство ее образумит.

И вскоре узнал имя следующей слабости. Имя этой слабости было Малодушие.

Стоны Кэтти слышал, подходя к дому, и даже решил, что готов к тому, что сейчас увидит. Но оказалось, что к этому невозможно подготовиться. Невозможно подготовиться к виду спущенных, несвежих портков, к потной, лоснящейся плоти, к неровным прыгающим толчкам, к запрокинутой голове в каскаде светло-каштановых кудрей. Кшетти громко стонала, подбадривая того, что трудился на ней, и, увидев на пороге Аоллара, стонать не перестала.

Наоборот, улыбнулась и показала бесстыжими, подернутыми поволокой глазами на того, кто скакал, приглашая не то присоединиться, не то просто наблюдать.

Первым порывом Аоллара было – подхватить из деревянной кровати Раки, но стоило взглянуть на дочку, и застыл, как вкопанный, словно натолкнувшись на силовое поле.

Крохотная фигурка, похожая на цветок одуванчика из-за облачка включенных бело-голубоватых волосенок, стоит, держится крохотными ручонками за бортики кровати и не по-детски серьезно, вдумчиво наблюдает за происходящим на кровати.

Она вырастет такой же, как Кэтти.

Станет самкой, когда вырастет.

Она. Уже. Самка, – понял Аоллар, развернулся, и, не говоря ни слова, вышел.

Засиделся на Сьерре-Алквисте.

Малодушие, позволившее покинуть успевший стать родным дом, станет последней его слабостью.

Кажется, он окончательно излечился от болезни, по недоразумению именуемой любовью.

Аоллар еще не понимал, что слабость Малодушия заключалась не в том, чтобы навеки покинуть Какилею и Кэтти, а в том, чтобы заранее решить судьбу родной дочери.

Катер Аоллара приблизился к причалу плавучего острова. Если известие, полученное у пирамиды, было верным, долгожданный Пламень практически в его руках.

Когда с острова стартовала небольшая полусфера планетарного катера, яркой огненной полосой озарив ночное небо Венеры, Аоллару пришлось сдерживать стон досады.

Сознание Аст-Асар говорило, что триста лет разыскиваемый Пламень только что ушел из-под носа.

Правда, сильно негодовать по этому поводу не следовало: Аоллар отчетливо з н а л.

Он вышел на след Пламени.

А значит, далеко тому не уйти.

Сагастр

Луна

У нее очень темная, почти черная кожа, отливающая в синеву, и пышная шапка вьющихся мелкими кудряшками волос. Сагастр ни разу таких не видел, поэтому из трех шлюх, выжидающих работу в баре мотеля, выбрал эту.

Номер с выложенными каучуковой плиткой стенами, и сиротливо ежащимися, словно от холода, боками смятых простыней, вызвал волну брезгливости.

Да и девка разочаровала.

Аппетитные и привлекательные формы, вспотев, неприятно тянули специями, из-под верхнего слоя сладкого, но дешевого парфюма.

Низкие, грудные хрипы, пугающая, белозубая улыбка на черном, как космос лице, шлепающие по животу груши грудей, и чересчур широкая внизу – в девке все было не так.

Самое невыносимое – полное отсутствие страха.

Его, наследника Империи Соул, не бояться!

Не знают, кто он!

И это рвет глаза изнутри!

Девка ритмично и упоенно подпрыгивает, изображая из себя скаковую лошадь, тяжелые груши вздымаются в такт,

чуть ли не до плечей. Запрокинув голову, трубно стонет, получая удовольствие от процесса.

Это никуда не годится. Мало того, что Сагастр вынужден себе признаться, что ничего не чувствует, когда его не боятся, так эта дрянь смеет кайфовать. Сагастр кожей слышит, что чернокожая сука ворует этим его собственное удовольствие.

Поиметь бы мразь по его фирменному рецепту – сразу в две дырки ржавыми ножницами... А потом заставить поскакать стимулятором.

Если бы проститутка открыла глаза и посмотрела вниз, на лицо клиента, ей точно было бы не до имитации бешеного удовольствия. Возможно, успела бы предотвратить то, что последовало, а возможно, и нет.

Взметнувшаяся рука ребром ладони вскользь, будто играючи, прошла по черной с синевой скуле, опрокинув пышное тело на бок. Оседлав враз задержавшуюся, как надо, сучку, Сагастр до хрипоты сжал черное горло, раздирая второй рукой белозубую пасть. Так лучше. Намного, много, много лучше. Да!

Он бросил до икоты напуганной проститутке кусок картона – одноразовую карту, – и спустился в бар. Валишь отсюда, как бы ни пришлось отвечать за порванную губу.

Маленький круглый столик в углу привлек внимание сразу, расположен удобно, незаметно, Сагастр заказал роботу двойной виски, и выпил залпом, не ощущая вкуса.

Озноб и судорога сразу в обеих икрах вызвали приступ паники. И вроде бы привычное состояние, но каждый раз как впервые прошибает.

Сколько прошло, как закончилась пыльца?

Третьи сутки. Пора.

Сквозь звон пространства Сагастр постарался сконцентрироваться на происходящем. Может, пронесет. А то, что в людном месте, так оно и лучше.

Из-за соседнего столика донесся тяжелый, неприятный смех. Четверо бородатых плечистых мужчин, похожие на старателей.

Так и есть.

– Шахты кольца Ашт не для сопляков, вроде вас, парни, – важно вещает тот, что постарше и, не смотря на излишнюю худобу, в плечах пошире. Тамошние твари в первую очередь выедают глаза и что пониже пояса. Потом только пальцы обглаживают.

Он довольно продемонстрировал слушателям все десять фаланг, и усмехнулся.

– Но хочешь добыть герутарий – сунешься и к инсектам. А в пещерах его больше всего. Но вот шансов выйти оттуда живым, или хотя бы, целым. Если вы меня понимаете...

– Куда нам тебя понять, Брэг, – скалится желтыми зубами

ми мрачный и еще более худой. Вроде фикнианец, но кто ж его разберет. Сагастру видна только верхняя половина худого туловища, не видно, сколько у него ног. — Ты лучше скажи, на что потратишь честно заработанное?

— Есть на моей луне одна девочка...

Свист и восклицания мешают Сагастру слышать, и это злит. А это интересно. Говорят о деньгах. Деньгах. Он раньше и не думал, что будет когда-нибудь вот так жадно ловить подобные разговоры. Но может, что нужное услышит? Все его счета заморожены. Даже те, о которых никто, кроме него самого не знал. Так он думал. Проклятые! Они пожалеют о том, что подняли руку на правителя. Он не наследник, он правитель! Император планеты Семи Лун. И вот, до чего докатился? Обшарпанные стены низкопробных притонов и дешевые шлюхи, которым нельзя даже немножко покровсать шкурку, — все, что осталось ему от большого и прекрасного мира! Мира, принадлежащего ему по праву.

Говоривший продолжал.

— Мать не отдавала ее мне. Нищеврод, так она сказала. Хотя сама знатная шлюха. И задница, — детина подмигнул, — у нее отменная! Но теперь, когда я к чертям собачьим могу купить свое драное поселение, девочка моя! Богачу нужна принцесса в доме.

— Наш рейс на подходе!

— Повезет найти герутарий — и все цыпы ваши, парни.

Герутарий? Сагастр знал, что это самая дорогая биотех-

нология во всем Млечном Пути. Значит, это старатели, а шахты и пещеры, о которых они говорят – место его добычи. Как он сказал – «Кольцо Ашт»?

Тот, что молчал до этого, нагнулся к столу, и тихо, Сагастру пришлось прислушаться, спросил того, кого они все звали Брэгом.

– А с Кольца спускался, Брэг?

Тот аж поперхнулся.

– Я похож на чеканутого адреналинщика?! – рывкнул так, что спросивший, парнишка, самый молодой, с жиденькой рыжеватой бородашкой, часто заморгал.

А потом выпятил острый подбородок:

– А я рискну спуститься. На Ашт, – добавил многозначительно.

– Совсем сдурел? Там тебе и того... Обратят. Местной богине, или кто она там этим уродам. Чур меня!

– И что? – в голубых глазах читался вызов.

– И ничего, – Брэг постучал костяшками пальцев сначала по косматой голове, затем по пластику стола. – Станешь одним из них. Из Аст-Асар.

Внутри въехал робот.

– Посадка на борт Волопаса.

Вот проклятый! – с досадой думал Сагастр. На самом интересном месте! Что значит, спуститься с кольца? И что значит, станешь одним из них? И чем это хуже рассказов о тварях, объедающих пальцы и яйца неудачливых старателей?

Главное, не забыть – «герутарий» и «Кольцо Ашт» – там его добывают. Мало ли, пригодится.

Очередная судорога заставила Сагастра подтянуть скрюченные ноги, разбить колени об стол.

Где достать пыльцу на этой гадской Луне?!

Трея

Венера

Пальцы Треи рассеянно скользят по планшету, то замирают, то с силой листают картинки, словно желая стереть улыбки с совместных фотографий. Вот последние, прямо со дна, в тяжелых глубоководных скафандрах, с баллонами за спиной. А вот с прошлых раскопок... А эти как сюда попали? Еще со времен студенчества. Кажется, из прошлой жизни. Даже несколько жизней назад, как у кошки. Их фото в парке аттракционов, а вот она одна, улыбается будущему мужу в камеру. Ни Алекс, ни Трея никогда особо не жаловали современные голо-технологии.

Махнуть на Венеру, на уикенд, разбавить будни затяжной экспедиции романтикой главной курортной планеты – это придумал Алекс. Хотел сделать жене сюрприз.

Алекс и Трея Бёрд – чета полевых археологов, практические исследователи. Специализируются на лунных и подвод-

ных раскопках, а в последнее время всерьез подсади на экспериментальную археологию. С развитием цивилизации, и, как следствие, техники, стало не только удивительно просто, но и чертовски занимательно воссоздавать древние памятники, рукописи, артефакты. И даже жизненные сценарии (недавно вошедший в моду профессиональный флеш-моб), выращивая из ничего целые города: с технологиями, жителями, их образом жизни, характерами и судьбами.

Судьбоносное знакомство начинающих исследователей состоялось на Земле, за покатою пластиковой партой в скромной, невзрачной аудитории археологического факультета. С тех пор ни разу не расставались надолго. Общие цели и интересы держали рядом, на расстоянии вытянутой руки, ну или шанцевой кирки.

Сегодняшняя тридцатилетняя Трея грустно улыбнулась самой себе семнадцатилетней, на фото.

Помнится, в тот день немного старомодный и романтично настроенный Алекс попросил ее руки у приемных родителей. С речью, направленной прямиком в родительские сердца, букетом красных роз, серебряным кольцом с аметистом, и даже с преклонением колена.

В ожидании своего принца Трея места не находила, мерила комнату шагами, как зверь клетку, изредка реагируя на реплики старшей сестры. Правда, не попад.

Надия, высокая, в родителей, темнокожая, грациозная, как пантера, лениво растянулась на розовом плюшевом пле-

де на кровати Треи.

Она совсем не изменилась, – улыбнулась Трея. Стала только красивее. Впрочем, и меня можно узнать, – женщина подцепила старинное овальное зеркало в серебряной оправе – трофеей Алекса, добытый на раскопках древней Месопотамии – со стола. С гладкой, как лед, поверхности на нее уставило смотрит женщина с молочно-белой кожей, с редкими веснушками, с большими, цвета меда, глазами, рыжие локоны опять выбились из прически и торчат в сторону.

Да, – она перевела взгляд на студенческие фото, – скулы чуть заострились, щеки запали, и губы, пожалуй, стали четче... Ну, еще небольшая морщинка у переносицы. Но в целом ведь не скажешь, что выпустилась десять лет назад...

*

– Волнуешься, бэйб? – Надия на фото сладко потянулась, подмигнула, сверкнув ослепительно-белой полоской зубов на черном лице.

– Он такой... Не как все, понимаешь?

Сестра пожала плечами.

– Не перебивай! Алекс... Заботливый, внимательный, романтичный... Представляешь! Ночью мы взломали астрологическую площадку на крыше универа и смотрели на звезды. А когда мне стало холодно, он укутал меня пледом!

— Пледом? — черная точеная бровь Нади иронично приподнялась на сантиметр, а пухлые губы растянулись в рвущемся наружу сарказме. Сестра с трудом сдерживала смех.

— Пледом, Нади! — запальчиво фыркнула Трея и снова выглянула в окно. Нет, показалось.

И что ее насмешило? Да какая разница!

— А зачем вы на университетскую площадку поперлись? — Нади зевнула ладошкой. — Мало студии?... И ближе, и взламывать не надо?

— Вот! — торжествующе воскликнула Трея и тряхнула рыжими пружинками волос. — Алекс говорит, что такие, как ты не рождены для романтики!

Вторая бровь Нади поползла вверх, видимо, для симметрии.

— Взломать универскую площадку, проползти под носом у охраны, рисковать, чтобы смотреть на звезды, Нади! Алекс...

Нади прищурилась, вытянула губы трубочкой, но промолчала.

Голос младшей сестры стал совсем тихим, а белое личико окрасил таинственный, заговорицкий свет.

— Мы вместе уже полгода и он ни разу, понимаешь, ни разу не склонял меня... Ну, к близости.

Надия, вопреки ожидаемой реакции, нахмурилась.

— То есть твой ровесник, бэйб, за полгода так и не затащил тебя в постель?

Трея восторженно закивала. Алекс дарил цветы, кормил в кафе мороженым, встречал из Информатория. Они спали на одной кровати на вечеринке у Буссе, и дальние легких, как крылья бабочки поцелуев не зашло!

— А ты уверена, что у вас любовь, бэйб? Может, просто дружите? Ну, как брат и сестра?

— Мне кажется, он скоро сделает мне предложение... Я это чувствую... З н а ю...

— Трея...

— Нади...

— Ты несправедлива. А ведь ни разу даже не видела его! Я не понимаю...

— Бэйб, — Надия потрепала Трею по голове. — Когда тебе в тридцать лет понадобится мужик в постели, поймешь. А у тебя, в лучшем случае вместо мужика будет сопливая девочка. Выражаясь твоим языком, романти-ик. А в худшем — чужой, посторонний человек, которому до тебя дело как до погасшей звезды Альфа-Центавра. Ты пойми! Друг, соратник, это все не то!

Худшим опасениям Надии не суждено было сбыться. Все оказалось в лучшем виде. Именно так, как предсказывала сестра...

*

Хорошо, что прямо в светлом, восьмиугольной формы за-

ле космодрома Венеры встретили давнего приятеля, профессора Нелиуса, Нела. Нел – почетный лектор, первый научный руководитель, знает Трею и Алекса еще со времен студенчества.

Обаятельный весельчак Нел увлек семейную пару археологов под воду, уверяя, что аккурат посреди искусственного океана в давние времена, задолго до перевода Венеры на новую орбиту, упал некий таинственный болид, который на самом деле был ничем иным, как потерпевшим крушение кораблем таинственных инсектов. Пять с половиной тысяч лет назад.

Правда по другой версии, а точнее, по утверждению верного врага и научного коллеги Нела, профессора Байровича, тот самый болид был, конечно, никаким не кораблем инсектов, а тривиальным ядром кометы.

Как всегда, романтично настроенный Алекс (годы не испортили его, или не помогли, это как посмотреть) проникся идеей Нела. Более трезвая и рациональная Трея склонна была поверить гипотезе Байровича, или, еще лучше, сделать собственное открытие, предложив Археологической Фригате новую, фактически подтвержденную версию.

Так что три дня предполагается романтического уик-энда пролетели незаметно и весело, на самом дне искусственного венерианского океана.

Следов таинственного болида не обнаружили, зато отлично провели время. Инстинкт археолога, или кладоискатель-

ская лихорадка, как называет свою страсть Алекс, даже серое, неприветливое глубоководье раскрасит во все цвета радуги. А споры до хрипоты в камбузе! А симбиоз дружеских перепалок и научных дебатов, байки, анекдоты, не заканчивающийся ароматный, бразильский кофе, и даже декламация Алексом древних четверостиший. Правда, в оригинальном виде, поэтому проверить их подлинность не представляется возможным.

Пискнуло входящее сообщение. Надия.

Бегло пробежавшись по фотографиям, Трея начала набирать стандартное приветствие.

– Милая, – в люке показалась всклокоченная голова мужа. – Вылетаем через десять минут. Трон утверждает, что если не покопаться в левом шлюзе, до Луны не дотянем. Думаешь, перестраховывается?

– Уверена, – Трея пожала плечами.

– Готова к псевдоегипетским будням? Если повезет, сегодня вскроем гробницу!

– Ты хотел сказать, лабораторию? – Трея прищурилась.

– Если нравится называть Аменхотепа ученым, а не фараоном, я не против. Хоть полярным исследователем.

– Не называть, – уголок губ Треи пополз в сторону, а янтарного цвета глаза сощурились. – Он и был ученым.

– Докажи, – в глазах мужа мелькнула насмешка.

– Докажу, – задрала подбородок, и сжала костяшки пальцев Трея. – Не сомневайся.

Алекс с обожанием посмотрел на упрямую женщину. Умеет же идти до конца, и в заведомо бредовой гипотезе. За эту стойкость и упертость уважал. Даже иногда робел. Правда, безжалостная и жесткая Трея только на работе. В редкие часы семейного досуга рядом с Алексом добрая и покладистая женщина. И видит жену такой только он.

– Если задерживаемся, я свяжусь с Надией. На Луне связь хуже.

– Хитрюга. Связь приличная. Просто окунешься с головой в заведомо ложную гипотезу и думать обо всем забудешь.

– Милый, утомляешь!

– Вот видишь, сколько сил тратится на поддержание ложных теорий? – Алекс по-мальчишески подмигнул, показал язык и скрылся из вида.

Трея нажала на фото Нади на экране коммуникатора.

Пока устанавливалась связь, Трея задумчиво уставилась в открытый люк.

Алекс, как и Трея, мало изменился за одиннадцать лет брака. Стал еще красивее, еще образованнее. В студенческой среде за безупречную внешность и сложение его звали Аполлоном. Причем, как женская, так и мужская половина. Первый год Трея вообще не верила, что все это взаправду. Что ей могло так повезти. А вот, скоро одиннадцатая годовщина, а их брак не знал ни одной серьезной ссоры, ни одного подобия скандала. Рядом с Треей лучший на свете мужчина,

любимый... брат, друг, соратник. Одновременно отец и сын, учитель и ученик, деловой партнер – кто угодно, любая из функций, которые мужчина играет в жизни женщины, кроме одной... И эта одна-единственная, недостающая роль, Трея готова была поклясться чем угодно, запросто перевесила бы все остальное. Роль мужа.

– Эй, бэйб, мне долго ждать, пока намедитируешься на неведомые артефакты? – Нади сидела на краю неприличного размера и цвета ложа, кутаясь в алую шелковую простыню.

– Какие артефакты? – Трея слегка опешила.

– А я знаю, куда ты там пялишься, вместо того, чтобы порадоваться любимой сестре?

– Я помешала? Привет!

– Ты не можешь помешать. Помешала Тара. Вызывала только что с Арттдоумие, они с Ри ищут какой-то ключ. Или бабу, которая сперла этот ключ, я слабо поняла.

– Тара не на Земле?

– Она даже не с Мареком! – восторженно воскликнула Нади. – А я говорила...

– А с кем?

– На этот вопрос Тара злится, а Римма хихикает. Но молчат обе!

Нади загадочно подмигнула.

Темная мускулистая рука вложила в узкую кисть Нади высокую кружку с чем-то аппетитно исходящим паром. Пухлые темные губы чмокнули воздух в сторону, и Нади опять

обернулась к сестре.

– Давай ближе к тексту, – настоятельно попросила Нади. – Как у вас?

– У нас все хорошо, – поспешно ответила Трея.

– Хорошо? – пухлые темные губы готовы были скривиться в любой момент.

– Спокойно.

– Спокойно? – вот теперь скривились, а еще тонкие брови, подскочившие вверх, придали лицу отстраненное и понимающее выражение.

– Мне с Алексом спокойно. А то, что мы спим в разных комнатах, это нормально. Между прочим, аристократы...

– Да спали бы вы хоть на крыше и потолке, – покачала головой Надия, – только пересекались бы, хоть изредка в горизонтальном положении... Или в вертикальном... Ну, или как пойдет, – сыто промурлыкала она.

– Пошлячка, – буркнула Трея, покачав головой.

– Правда жизни, бэйб, – усмехнулась Нади, и, не прощаясь, отключилась.

– Ты готова, милая? – Алекс с роботом поднялись в катер. Хорошо, что они встретили Нела на Венере.

Целый день плавать, загорать, играть в пляжный волейбол, пить коктейли под зонтиками... А по вечерам лежать на отвратительной кровати сердечком, повернувшись друг к другу спинами, под разными одеялами... Это выше ее сил!

Нельзя сказать, что близость вовсе отсутствовала в су-

пружеской жизни Бёрд, но эти редкие, непродолжительные и практически безэмоциональные моменты контакта давали еще более редкую разрядку. И происходило все как-то неправильно, словно через стыд. Ведь это стыдно – ложиться в постель с другом, братом или даже коллегой? Хотя Трее нередко казалось, что в их случае чувство стыда исходит скорее от Алекса.

– Кстати, по поводу Аменхотепа! Хотите анекдот?

Трея и Трон хотели.

– Звонит Аменхотеп в службу поддержки, и просит предоставить данные по гробнице Нефертити. Ему говорят: продиктуйте, пожалуйста, имя по буквам? Аменхотеп диктует: – Птичка, два треугольника, волна, солнце, опять птичка, голова собаки и скарабей.

Трон обернулся к Трее, словно ждал нужной реакции. Алекс, довольный, как слон, хихикая, набирал на панели курс.

То ли он меня боготворит, – грустно думала Трея, – то ли просто не хочет. А может, ему просто не надо... И неизвестно еще, что хуже.

Чувство чего-то огромного, страшного, навалилось откуда-то сверху душной волной, вызывающей легкую судорогу в бедрах и дрожь в пальцах. Это что-то подмяло под себя, поглотило и взорвалось в висках знакомым приступом паники.

– Это состояние, – пробормотала Трея. – Это просто некомфортное состояние, сейчас, сейчас, сейчас оно прой-

дет. Черная дыра меня дерит, оно никогда не пройдет! Вдох, выдох, вдох, выдох. Алекс! – не выдержала, наконец, она.

Алекс и робот синхронно обернулись.

Алекс встревожено, Трон недоумевая – что это с всегда спокойной и рассудительной миссис Бёрд?

Но Трее уже легче. Приступ на этот раз оказался коротким, и только теплая волна, омывающая затылок и скользящая по поверхности кожи крохотными пузырьками напоминает о том, что приступ вообще был.

Трея осторожно тронула лоб – весь в испарине.

– Что это? Кто там? Моторная лодка? Катер?

Алекс и Трон проследили направление ее взгляда. По лазурной глади океана приближался катер с одним человеком.

– Отдыхающий, – буркнул себе под нос робот и пожал металлическими плечами.

– Не волнуйся так, милая, – Алекс тепло посмотрел на жену и поднял катер в воздух.

Глава 4

Раки

Йор, луна Сьерра-Алквиста

Луна Сьерра-Алквиста, спутник ближайшей к Соул планете, в маленьком, неприметном, если смотреть с Луны, зодиакальном созвездии Рака, была колонизирована в 2188 году, в самом начале Эпохи Взлета. Каких-нибудь двести лет назад.

Сьерра-Алквиста, названная в честь известного в свое время доктора философии, Карла Августа Энгельберкта Альквиста, самый крупный спутник планеты под совершенно непоэтичным названием Клешня, вращающейся вокруг звезды β Рака, самой яркой в созвездии.

К сожалению, ничем выдающимся, кроме звучного названия и собственной атмосферы, Сьерра-Алквиста похвастаться не может. Казалось бы, с таким именем, львиную долю населения Сьерры-Алквисты должны были бы составить люди, как минимум грамотные, прогрессивные, если не сплошь профессора, то хотя бы поэты и лингвисты.

Но по распределению первыми и единственными колонизаторами Сьерры-Алквисты оказалось Объединение Самобытных, сто лет назад отделившееся от Борцов за Автоно-

мию планет Млечного Пути, или, как принято их называть, Автономных.

Но если Автономные были просто радикально настроенной против политики Галактического Сообщества организацией, мотивирующейся тем, что каждая система должна жить и развиваться самостоятельно, без варварского вмешательства со стороны, то Самобытные, будучи производной от Автономных, были организацией с религиозным уклоном и от того настроены еще радикальнее. Говоря современным языком, секта, она и в космосе секта.

Термин «самобытность» прижился тут не случайно.

Если Автономные требовали лишь невмешательства прогресса и сопутствующего ему гуано для самостоятельно развивающихся цивилизаций, то Самобытные пошли еще дальше, призывая не мешать человеку совершенствоваться самостоятельно, без всяких новомодных штук, достижений технического и биотехнического прогресса.

Самобытные призывают не прозревшее еще человечество отказаться практически от всех благ цивилизации, кроме, разве что электричества да центрального водоснабжения, ибо все эти штуки есть «от лукавого», как написано в священной брошюре, и идти «ко спасению души своя», естественным, натуральным путем.

К слову, и электричество, и горячее водоснабжение на Сьерре-Алквисте далеко не в каждом поселении. Вместо электричества – бензиновые и керосиновые лампы, камины,

печи, а что до пенных ванн... Множество рек и озер, наполненных чистой, не знающей «вмешательства поганого прогресса» водой, запросто решают эту проблему.

Нет на Сьерре-Алквисте и роботов, и вообще не планировалось машин и устройств, призванных облегчить натуральный, естественный путь человека, «ведущий к освобождению от проводов диавола» (Св. брошюра, ч. 3, п. 24.9)

Но так было сразу после колонизации. Нынешние поселенцы и городские жители, хоть и чтут направляющую длань святого аббатства, смотрят на современные гаджеты с определенной долей снисходительности. Есть здесь и своя выгода: не разрывая окончательно связь с внешним миром, как планировалось изначально, и неукоснительно соблюдалось лет так пятьдесят, ладно, семьдесят после колонизации, а слегка «потворствуя дурости современной молодежи», позволяя той космические путешествия, обучение в ВУЗах Сообщества и кое-какие мелочи вроде ормов и более примитивных переговорных устройств, можно добиться привлечения внимания, и новых поселенцев, со стороны.

Вот казалось бы – откуда в Галактике люди, способные добровольно отказаться от благ цивилизации, выбрать суровый поселенский быт, и менее суровый, но более хлопотный, быт городокской? Но откуда-то такие берутся, и желающих отречься от прогресса оказалось немало. Не то, что отбиваться приходится и визовую систему вводить, но, как говорится, с большего.

Кроме того, Сьерра-Алквиста оказалась идеальным прибежищем для беглых преступников, потому что вход сюда возможен лишь для «ситизенс», проще говоря, граждан. А гражданство дают на небольшой орбитальной станции, и получить его временно, скажем, сотруднику спецслужбы Альянса – нереально. На орбите луны технические достижения никто не отменял. И проверяют будьте-нате.

Беглый преступник, даже пират, добро пожаловать, вот вам стандартный набор колониста – семена, консервы, сухой прессованный белок и кой-какая амуниция, и вперед, в поселение, сеять разумное, доброе, вечное...

А если вы, мистер, за этим самым некогда заблуждающимся охотитесь, то можете убираться обратно в свои «поганые, цивилизацией побитые дьявольские уголья». Потому как «душа, примкнувшая к Лорду, очищается от прошлых злодеяний». Автоматически.

Минимальный срок приобретаемого гражданства – тридцать пять лет. То есть покинуть Сьерру-Алквисту этот период времени нереально.

Когда на Сьерре-Алквисте, восемнадцать лет назад оказался Аст-Асар Аоллар, он сначала даже подумал, что былые возможности Аст-Асар каким-то чудом опять вошли в Силу, и он нечаянно пронзил время, оказавшись на каком-то древнем планетоиде, где люди совсем недавно. Потом только узнал, что население Сьерры-Алквисты – на девяносто процентов потомки Самобытных.

Похожее чувство дежавю посетило Аст-Асар и недавно, у подножия пирамиды Хеопса. Для Аст-Асар, который видел строительство этой самой пирамиды, ничего особенного. На Земле, в ее прошлом он бывал не пять тысяч лет назад, для него, конечно. Намного, много позже. Просто это было до того, как от Силы Аст-Асар осталась одна насмешка.

Вы спросите, как Аоллар вообще попал на Сьерру-Алквисту, учитывая столь строгую орбитальную охрану, умудрился прожить там три года, без получения гражданства, а потом и вовсе покинул ее?

Тут две причины, но по сути, одна.

Во-первых, возможности кораблей Аст-Асар сильно отличаются от возможностей остальных кораблей гуманоидов, даже собратьев из Магелланова Облака.

Во-вторых, даже в такой глуши, как Сьерра-Алквиста никто и никогда не будет связываться с Аст-Асар. Так-то.

– Это то самое платье? То есть то, что осталось? – миссис Полстейн брезгливо подцепила ногтем с безупречным перламутровым маникюром кромку и тут же отдернула руку, словно нечаянно коснулась опасной живности: вот-вот цапнет.

Экономка с готовностью закивала. Она стыдилась несдержанности, грубости, неуклюжести, но хуже всего – не оправдать ожиданий хозяйки.

– Не надо было резать его ножницами, – вынесла, наконец, Дора Полстейн вердикт.

– Но как же? – забормотала старая женщина, – дуреха ответила черной неблагодарностью на вашу доброту!

– Говоришь, в Черный Коршун?

Экономка сжалась:

– Меня совсем не слушает, от рук отбилась, из ума выжила...

– Ну-ну, выключай свой причитатив, – Дора никогда не упускает случая выразить свои мысли вычурным, не вполне понятным простоте, словом.

– То, что от рук отбилась, ты зря. Наша маленькая ундина с самого начала демонстрирует редкую выносливость. А так и не скажешь...

Головы хозяйки и служанки – одна в новом алтабасовом чепце, с аккуратными локонами, другая в ситцевом, накрахмаленном, синхронно повернулись к узкой кровати, на которой спит Раки.

Ундина непривычно бледна, даже хуже обычного. Голубоватая прядь тонких волос прилипла к вспотевшему лбу, из полуоткрытых губ не слышно дыхания.

Тонкие руки поверх старенького, в заплатках, пододеяльника, пальцы нервно вздрагивают.

– Непонятно, в чем душа держится, – покачала головой миссис Полстейн. – Жоржи всегда нравились чумички. Доктор сказал, проспит минимум сутки. Зря ты довела ее нерв-

ного срыва. Жоржи нервничает.

– И в мыслях не было, истинным Лордом! – снова запричитала, приложив к иссохшей груди, привыкшие к тяжелой работе руки, мисс Эштон.

– Знаю, знаю, – отмахнулась хозяйка.

Миновав за два шага комнатку прислуги, решительно распахнула небольшой кожаный саквояжик. Что здесь? Сухари, литровая бутылка для воды, кажется, горсть курпицы в мешочке, несколько колотых кусков рафинада.

– И о чем это говорит? – спросила с глубокомысленным видом миссис Полстейн, непонятно к кому обращаясь.

Экономка выглянула из-за пышного хозяйского плеча:

– Позор! Девчонка еще и обворовала вас!

Мисс Полстейн взглянула на пожилую мисс с явным сожалением.

– Да нет, ундина почти ничего не взяла. На редкость честная для прислуги, – Дора хмыкнула. – Но вот возвращаться сюда завтра не собиралась. Так что болезнь нам на руку. А это что? – хозяйка вытянула синюю потрепанную тетрадь.

– Альбом для этого ее чистописания, – фыркнула мисс Эштон. – Я никогда не одобряла, что девчонка ночами просиживает в библиотеке. Вы чересчур добры к ней.

– Да, да, – рассеяно кивнула Дора. – Когда я сказала, что намерена поднять ей жалованье, она попросила оставить все, как есть. Только разрешите сидеть в библиотеке в свободное

время, учиться читать и писать. Да, я сама дала ей несколько таких тетрадей, и книги разрешила брать.

– И жалование повысили.

– Ее удобство входило в мои интересы, – сухо обронила Дора. – Ну-ка, – желтоватые страницы оказались сплошь исписаны мелким, неаккуратным, но вполне читабельным, подчеркиком.

– *«Руны, оказывается, это древние скандинавские письмена. – прочитала Дора нараспев первую фразу. – Хм...*

Не знаю, что значит, «скандинавские», от этого слова веет холодом и ярким солнечным светом.

А руны я видела, это такие дощечки.

Миссис Архаис – или правильно пишется Арраис? Не знаю, но она показывала: наследие от прародительницы по материнской линии. Эта прародительница жила на «ихерах» – понятия не имею, что такое эти самые «ихеры», но представляю их почему-то гигантскими гнездами, такими специальными домиками для людей, что живут на острых пиках скал... Красиво...

У нее, у миссис Архаис, я имею ввиду, а не ее прародительницу, с той, понятно, мы не знакомы. Так вот, у нее маленькие таблички были с выжженными черточками на них. Руны называется. Я думала, что это какой-то древний алфавит.

А в книжке миссис Полстейн, Космос храни эту достойную женщину, это, оказывается какие-то памятные пись-

мена.

Я тоже хочу оставить руны.

Знаю, так себе предисловие дневника, или, гримуара, как у той маленькой волшебницы в «Сказках народов мира», но мне кажется, это хороший способ записывать и запоминать новые слова.

Сегодня вот вывучила слово «интуиция». Кэтти говорит, у меня звериное чутье, от варвара-отца.

Каким дикарем нужно быть, чтобы даже мама назвала дикарем?

Мне нравятся Сказки. И триллеры! Триллеры даже больше! Хотя Сказки порой полны такого цинизма и жестокости, что любой триллер нервно кружит по орбите. И детективы люблю, пожалуй. А еще хороша та, в синей обложке, которая про девушку-королька.

В ней героиня начинает дневник с самых первых, детских воспоминаний. Наверно, так правильно.

.... *** ... ***... ***

Тра-ля-ля

Итак

.... *** ... ***... ***

Я родилась в поселении Какилея, луны Сьерра-Алквиста.

Кэтти говорит, что весной. Дату она не запомнила. Приходится верить на слово...»

На следующей странице была картинка. Вереница ершиков для мытья посуды, или кривых деревьев? И коробки-до-

мики. А над всем этим, катятся три овала с лучами-спичками в разные стороны.

Умение рисовать явно не относится к талантам ундины.

– Значит, дневник! – лицо миссис Полстейн озарила хищная улыбка, а пальцы любовно прошлись по тетради. Убедившись, что толстая тетрадь исписана больше, чем на половину, Дора довольно кивнула. – Нам надо бы сесть вот здесь, и полистать! Принеси чая с молоком и медом.

– Здесь? – экономка недоуменно обвела глазами убогую обстановку комнаты Раки.

Дора беспечно махнула полной рукой.

– Жоржи сегодня нездоровится, а Тедди играет. К тому же доктор сказал, что нужно присматривать за ундиной. Вот и приглядим, – она заговорщицки подмигнула.

«О детских воспоминаниях, оказывается, мне и сказать-то нечего.

Нет, я много чего помню – помню, ветер, снежинки кружатся под крышей мансарды нашего дома. И холод, много холода. Много острых и болючих игол, и все они скользят под кожу, грозя раздробить кости в пыль.

А в подвале, скорее даже в погребе не так холодно, но сыро и запах такой мерзкий, отвратительный. Не то картофельные очистки и гнилая рыба, не то болезнь и челове-

ские выделения.

Зато летом сквозь прохудившуюся крышу льется солнечный свет, смешно щекочет нос, и его поцелуи согревают глаза, щеки, губы. Но долго не понежишься, Анна ругается, ей всегда нужна лишняя пара рук на кухне, во дворе, в огороде. А может, срочно бежать на ферму за поросенком или бидоном молока. В доме, кроме «девочек», постоянно жильцы, и столются на месте.

Но летом по ночам страшно, зимой – не так. Чуть потеплеет, и лежишь, надеешься, что дверь на чердак выдержит натиск и глухие удары.

– Раки, девочка, открой...

Ненавижу свое имя. И какая я им «девочка»?!

– Раки, крошка, хочешь сладкого?

Ненавижу того, кто так меня назвал.

– Раки!

– Пусти, дрянь!

– Отродье шлюхи!

Отродье шлюхи. В лицо дочь хозяйки единственного на округу постоянного двора, или борделя, так не назовут. А ночью, под узкой деревянной дверью – запросто».

– Вот как, – выражением лица Доры Полстейн сейчас можно рекламировать услуги Министерства Счастья. Что касается экономки, то мисс Эштон почему-то принялась двигать очки в роговой оправе по толстой переносице – вверх-вниз. А миссис Полстейн еще раз перечитала написанное, вслух.

– Дочь шлюхи, – мечтательно, по складам пропела, а потом изящным жестом прикрыла ладонью рот. – Как же нам повезло, Эльза, просто невероятно, сказочно повезло!

Экономка поспешно кивнула, старалась попасть хозяйке в тон, силясь изо всех сил уразуметь причину такового благодушия, или хотя бы «везения». Где ж тут везение? Впустили в дом абы-кого, вон, оказывается, и не абы-кого, а как есть, поселенскую девку. Чего ж тут хорошего?

«Девочки», их так принято называть, непонятно только, почему, жили по две в двух нижних комнатах и двух верхних.

На момент моего ухода, это были Иви, Лиз, Селена, Жета, Вет, Поли, Мари, Шея.

Нет, Шей как раз уже не было.

Еще парни. Макус, Висе, Глек. Вышибалы. Они всегда меняются, чуть ли не чаще, чем «девочки».

В верхней спальне живет Кэтти, Анна ночует прямо на кухне, там всегда тепло.

Когда я была маленькая, зимой тоже там ночевала, мне в кресле вполне удобно. Главное, тепло. Но после того как Брэг сильно поколотил Анну, выбил той зуб, кухарка от моего соседства наотрез отказалась.

– Или она, или я! – заявила Анна Кэтти, и мама решила проблему по-своему: чердак или подвал.

– Не хватало из-за тебя лишиться хорошей кухарки! – отвесила мне подзатыльник Кэтти. – А вообще сама виновата, решила, видите ли, заступиться. Да мы Брэга доили

бы и доили, — она запустила пятерню мне в волосы и развернула лицо к свету. Послюнявила палец, потерла под глазом. Хмыкнула, видимо, не понимая, что же такого особенного Брэг во мне нашел.

— Ладно, — сказала, наконец, — не хочешь внимания гостей, не выхляй перед ними своей тощей задницей. Не вылазь с кухни. А ночью сиди на чердаке мышью. Твое время на подходе.

И ушла варить глинтвейн. Весна та выдалась холодной, Кэтті жаловалась на ломоту в костях и постоянный озноб. А я уже тогда поняла, что жить в родном доме осталось недолго.

Этого я не могла не рассказать.

Обязательно объяснить, когда и почему впервые решила уйти из дома.

Тогда же, да, кажется, мне девять было, случился еще один неприятный эпизод. То есть он сначала неприятным был, даже очень. А потом тааааааким хорошим оказался...

Наравне с последней затрепщиной, полученной от доброй Анны, тот случай, возле дома старосты поселения – самое счастливое воспоминание в моей жизни! Самое-самое в мире!

Меня Анна за молоком послала, иду, значит.

А тут Висек-младший, отвратительный такой, как наши вышибала, только еще сопливый и в прыщах весь, с Речиком и Строни... Кажется еще мальчишки были, лица помню, а

имена нет... Я вообще так испугалась тогда, прямо удивляюсь сама на себя, как вообще все это запомнила!

Вот! Иду, гремлю мимо их компании пустым бидоном, когда Висек меня окликнул:

– Эй, Раки!

Остановилась, жду. И ведь чувствую, ничего хорошего он не скажет, а все равно стою, как парализовало.

– Сосать будешь?

Я не поняла, что он имеет ввиду, но остальные, наверно, поняли, потому как заржали, что овцелошади.

– Что? – спрашиваю, и сама не понимаю, зачем, неужели хочу, чтобы повторил?!

– Сосать, говорю, будешь?! – Висек подошел почти вплотную, и снизу по лицу ударил, по подбородку.

Я неловко руками махнула, грохнулась пребольно так, бидон выронила, он загремел еще, я подумала, сейчас кто-то выйдет на грохот, защитит... Не вышел.

– Да она не умеет, небось!

– Не мамка!

– А сколько стоит, чтобы твоя мать у нас у всех...

– А давайте эту научим!

– Ребята, а вышибалы...

– Да ладно! Шлюха Кэтти нам еще спасибо скажет!

Я уже не понимала, кто из них что говорит, все смешалось, все слилось, они обступили кругом, не давали встать с колен, били, щипали, дергали за волосы.

Я молчала.

Молчала, когда платье рванули так, что рукав оторвали, когда деньги потребовали отдать – отдала.

А потом поняла – все. Большие не выдержу.

И тогда появился он... Нет, ОН...

Высокий такой, черноволосый. Я зареванная была, плохо разглядела. Кажется, он тоже из нашего поселения был, но про него говорили «большой человек». Что это значит – не знаю. Вот только не фермер, точно. Вроде его боялись, но я маленькая была, не помню точно, за что.

Я сейчас, когда пишу это, понимаю, что тот парень ненамного старше меня нынешней был, но тогда, крохой... он совсем взрослым показался.

Я тряслась вся, не могла слезы остановить. Всю колотило.

Я же видела его потом...

И не раз! Может, даже трижды! И вот, каждый раз язык отнимался, даже имени не спросила. Кэtti, когда ей все рассказала, как-то его назвала, а я не помню. Так жалко...

Вот сейчас жила бы и знала, что того человека с теплыми руками, которыми он вытер мне слезы... добрыми глазами, зовут...

А так – не знаю.

Да, тогда пацанве поселенской мало не показалось. У-у-х! Как он ловко с ними! А еще после того раза на меня большие

никто и никогда в поселении косо не посмотрел! Не сказал ничего!

Другое дело дома...

Дома у нас, то есть у Кэтти он не был. Если бы был, хоть раз, я бы не хотела его имя помнить. Может, лучше пришел бы?

Нет, как хорошо так. А то было бы мне и вовсе нечего вспоминать.

Хотя, может, если бы он к нам пришел, а у меня рядом с ним язык не отказывал, и я бы сказала, что плохо мне, очень плохо, когда ночью ходят, хотя бы ко мне зайти, пугают... Может, и тогда бы, защитил?

Ведь больше защитить меня было некому. И к пятнадцатой весне совсем невыносимо стало.

И хорошо, что он никогда не пришел!

И вообще хорошо, что не видела его больше никогда!

Если бы даже защитил, но пришел бы в дом Кэтти как «гость»... Я бы не хотела сейчас вспомнить его имя.

А я хочу.

** * * **

** * **

** **

** **

Думала, лето пережду. Опять же, и этот страшный огромный Брэг с раздробленным носом, воняющий алкоголем

так, что его приближение всегда можно угадать по запаху даже насквозь продуваемом чердаке, куда-то пропал.

Кэтти говорила кому-то, что на приданное мне зарабатывать, очень смеялась. Я поняла тогда, что это шутка. Ведь не могла она отдать меня Брэгу? Или могла?

Я думала, что как минимум, лето в запасе у меня есть, а потом, даже если Брэг вернется, холода наступят, и до следующей весны на чердак никто не сунется. Значит, удастся продержаться целый год. Не удалось.

Через месяц – весна уже была на исходе, Кэтти сказала, что «берет меня в дело».

Вместо Шеи. Ей Ваприн навсегда перечеркнул возможность карьерного роста.

Мама... А Кэтти мне мама!

Надо сказать о ней несколько слов.

1)

Мама очень любит деньги.

2)

Пожалуй, единственное, что любит.

3)

Мне всегда казалось, что любовь к деньгам занимает сердце Кэтти полностью, и на меня в ней не остается места.

4)

Если бы она любила меня хотя бы вполовину так...

Но я отвлеклась.

Я это к тому, что понятно, чем руководствовалась Кэтти, когда впускала в дом Ваприна.

Поселение Какилея маленькое. И все знают, что Ваприну ни один дом не отдаст дочь в хозяйки. Не приживаются они у него. Трое уже было. А как последняя зимой на капище перебралась, к нам зачастил. Раньше тоже ходил, но больше пил.

Зачем, говорит, мне платить за то, что дома бесплатно валяется?

Я хоть и маленькая была, а понимала, что «валяется» — это не образное выражение. Скорее всего, и вправду валяется. И не от большого здоровья.

«Девочек» и раньше били «гости», но в тот день, я за доктором бегала, и вместе с ним в комнату «девочек» вошла. Не верилось, что недавно э т о было лицом... не очень красивым, кстати, лицом, частенько опухшим и неприятным, с небольшим шрамом на двойном подбородке, но все же... лицом. Человеческим, даже женским...

Тогда окончательно поняла, пора бежать.

— Переселяйся к Селене, Раки, — сказала Кэтти. — Хватит на чердаке мерзнуть, дочка.

— Я не мерзну, — ответила тихо, но чтобы Кэтти услышала, и дальше принялась оттирать пятна с пола.

Кэтти не стала спорить, подошла и пнула пониже спины, вынуждая сесть.

— Я не спрашиваю, мерзнешь, или нет! Пришло время.

Так много Кэтти со мной редко разговаривала.

– Будешь, наконец, отрабатывать хлеб. Хватит дармоедничать!

Я голову опустила, очень ответить хотелось, но смолчала.

То есть отрабатывать? Я, сколько себя помню, его отрабатываю. На кухне, на огороде, с ведром и щеткой в руке, на побегушках по всему поселению!

Кэтти дернула меня за ворот рубахи, вынуждая встать. Оглядела, как лошадь выбирала, вокруг крутанула. Хмыкнула. Сказала мягко, доверительно:

– Ваприн, детка, не такой злодей, каким кажется. Он почему зверствует? Давно на тебя глаз положил. А Шея, дура, сама его выбесила. Зачем сунулась к пьяному? Но она и старуха уже давно. То ли дело ты. Тебя не тронет. – Кэтти провела рукой по моим волосам, приглаживала вихры что ли? – Я тебя Брэгу обещала, но говорят, он не вернется.

А я поняла, что то, что было страхом раньше, не страхом было. Так, ерунда.

Правда, Брэгу обещала.

А теперь Ваприну отдает.

Я молчу, жду, когда это кончится. Рано усвоила, если меньше говорить, меньше шанс, что заметят. Запомнят.

– Глади ж ты, – Кэтти всматривалась в мое лицо, как впервые видит. – Ни слезинки, хоть и дрожит. Ну же, дочка, – Кэтти опять провела рукой по моим волосам. – Это

он с Шеей не со зла. Да и не везло мужику в жизни. С тобой совсем по-другому будет. Говорит, к себе забрать хочет.

В тот же вечер я ушла.

Спустилась во двор, помыла ведро, простирнула тряпку. Тряпку оставила сушиться на улице, а ведро и швабру в подсобку отнесла.

– Раки, – окликнул голос Анны. – Сбежать надо за постельным!

Постельное мы шли у миссис Архаис. И в тот вечер она не дождалась двух тов за свои простыни.

Молча взяла у Анны два та, думая, как бы мне на чердак пробраться, там под половицей у меня еще три мелочью. Скопила.

Пока думала, какой предлог найти, Анна неожиданно ласково спросила:

– Хочешь чаю, сладкого? С булкой?

Я всегда думала, что выбитого шесть лет назад зуба Анна мне не простит. И старалась поменьше попадаться на глаза. А как поменьше – когда толчешься на одной кухне, в одном дворе. Рядом с Анной голова сама в плечи втягивалась, дар речи пропадал от страха. И стыдно было, что за меня ее так.

– Садись, Раки, – Анна поставила передо мной горячий противень со свежими, только что из печи, булками. Налила стакан молока.

Мне даже стыдно стало, что побег задумала.

А потом Анна спросила:

– Перебираешься сегодня? Шея-то из больницы сюда не вернется.

Я смотрю на нее, понимаю, что нужно ответить, или хотя бы кивнуть, и не могу. Вот не могу, и все.

Анна тоже молчит. А потом подсела поближе, резко обхватила плечи, я не сразу поняла, что обняла, другой рукой голову к себе притянула, и так держала какое-то время, укачивая, как маленькую. Потом так же резко оттолкнула, оглянулась по сторонам. Вытащила откуда-то маленький кошель, молча сунула мне за пазуху. Туда же отправила маленький мешок с сухарями.

– Большие нельзя, – сказала. – Вон, худая какая, итак выпирает. Если встретишь кого...

– Ан, – перебила я, и прошептала. – У меня еще на чердаке...

– Где? – тоже шепотом.

– Под половицей, она шатается, прямо посередине.

– Сиди. Ешь! Сама принесу.

Вернулась быстро. Ловко сунула монеты, а потом как рывкнет, я аж подпрыгнула:

– Ты еще здесь, Раки? Кого я полчаса, как за постельным послала?! Ишь, раскорячилась, звезду на лоб себе наклеила!

За спиной Анны мелькнуло розовое платье Кэтти.

Последним, что я получила от Анны, поспешно поднимаясь, была хорошая такая, хлесткая затрещина, чуть с ног

не сбила.

Долго потом щека горела. А я не знаю, скажу когда-нибудь Анне спасибо?

Шла по узкой поселенской улочке и думала, что я воровка. Только почему-то совсем не стыдно.

Кэтти говорит, что я вылитый папаша, наверно, он был дурным человеком. А может и нет. А может, я похожа на него, да. Вон и от Кэтти тоже ушла.

Два та – огромные деньги, и я понимала, что Кэтти будет меня искать. Не меня, деньги. Эти два, за целую партию постельного, и те, что можно на мне заработать. Может, они получены уже. И, скорее всего, искать меня будет Ваприн. Или еще кто.

Поэтому свернула за красным кирпичным домом Ваприна, проскочила бакалейную лавку, а вместо того, чтобы свернуть к дому миссис Архаис, спустилась к реке. На берегу оставила короткое платье и штаны, хоть и жалко было, жуть. Но может, так подумают, та же Кэтти, например, что я с горя решила утопиться? Шансом таким пренебрегать нельзя.

Вот ботинками не стала жертвовать, они крепкие, удобные, и неизвестно, сколько идти придется. Связала их, повесила через плечо, выдохнула и вошла в реку.

Выдержала в ледяной воде только до леса, и то, продержалась исключительно мыслями о собаках Ваприна. И о нем самом.

Ближе к утру лес закончился, за ним открылось поле – поселение Алибама. Весь день просидела у воды, на солнце, даже немного поспала. Показываться в Алибаме нельзя: здесь меня знают, рано или поздно, до Кэтти дойдет слух.

Вверх по реке шла три дня, то есть три ночи. Ночью шла, утром искала, где отогреться. Первые два дня везло – солнце грело по-летнему, а третий день пришлось мокнуть под дождем. Правда, к вечеру распогодилось, но не настолько, чтобы высушить одежду и согреться. Пришлось сушить на себе.

На четвертый день, то есть утро, решила – будь что будет. Хлеб закончился, есть хотелось – страх. Это поселение по моим подсчетам должно называться Иова. Первым, кого я встретила, оказался дедушка с сетью. С вьедливыми такими, неприятными глазами. И брови, страшные, косматые, нависают. У нас в поселениях старики – редкость, то ли дело в городке. Так что я уставилась на того, как овца на овцелошадь.

– Ты откуда? – старик тоже уставился на меня во все глаза. – Еще и голая!

Это он про то, что я в одной рубаше. Она хоть и длинная, и подпоясала ее как платье, на верхнюю одежду мало похоже. Еще и ботинки на босу ногу.

Я знала, что вверх по реке крупное поселение Мэн, и рискнула:

— Из Мэн, мистер. Плыдем с родителями и младшим братом в Новую Неваду, а лодка перевернулась. Пока мои одежду сушат, меня за съестным отправили.

Я старалась говорить более писклявым голосом, чем на самом деле, изображая ребенка.

— Ну-ну, — не понятно, поверил, или нет.

— Если чего съестного, ты иди вон, на ферму — у них там постоянный двор, купишь чего-нить. А где, говоришь, лодка ваша перевернулась?

— Там, — неопределенно махнула я рукой и убежала, ругаясь про себя последними словами. Надо же носить на плечах кочан вместо головы, чтобы не догадаться продумать ложь заранее. Запиналась, мялась, сразу видно было, что на ходу выдумываю.

На ферме первой, кого я увидела, оказалась полная молодая женщина с румяным, почти красным лицом.

— Ты это откуда?

Озвучила ей ту же версию про перевернутую лодку, правда уже не так позорно, как давешнему дедушке. Спросила, можно ли купить поесть и одежду, моя, мол, долго сохнуть будет.

Тетка с сомнением покачала головой, но отвела меня к хозяйке фермы, та тоже оказалась молодой, не намного старше меня, девчонкой. Темненькой, смуглой, с быстрыми

черными глазами.

– А ты не хочешь остаться работать у нас, Раки? – спросила хозяйка, когда я цыкнула на молодую буренку, а потом споро показала девчонке с ведром, как правильно доить скотину, не пугая ее.

Я что-то позорно проблеяла, про то, что родители ждут, и брат младший, и про то, что работать мне некогда, в школу хожу, и какую-то еще чепуху в таком духе. А про себя проклинала все на свете за несусветную тупость. Вот кто меня за язык тянул?

Хорошо было бы на той ферме остаться...

И хозяйка молодая, строгой не выглядела...»

Глава 5

Трея

Луна

С самых первых дней экспедиция казалась многообещающей. Особенно учитывая, что экспедиция была не к звездам далекого Цефея, не в Волосы Вероники, и даже не в загадочную туманность Тарантул, а на Луну. Вот самую, что ни на есть, тривиальную Луну – древнейший спутник Земли.

Алекс и Трея в унисон трепетали, ощущая себя стоящими на пороге грандиозного открытия. Их гипотеза о возникновении некоторых лунных кратеров, а точнее, связь оных с пирамидами древнего Египта, грозила стать самым ярким событием космической археологии за последние двести лет.

Работали командой из пятнадцати человек и пяти фикнианцев. Все, включая роботов – миниатюрных операторов, громоздких луноходов и копателей, трудились, не покладая рук и не разгибая спин, три долгих месяца. И не под куполом, где расположен Лунный городок, а на обратной, теневой стороне.

Уик-энд на Венеру был сюрпризом на годовщину свадьбы, о которой уставшая Трея благополучно забыла.

Да и вся команда, включая роботов, заслужила выходные.

Точнее, роботы заслужили право на плановую профилактику.

Пока Алекс с Треей отсутствовали, у Гшель все было готово. Вездесущая секретарь споро раздавала последние распоряжения роботам и археологам.

Но все же исключительным правом на открытие древнего памятника обладали Бёрд, и Гшель это право не оспаривала.

Светло-серое и подозрительно спокойное дно самого глубокого кратера теневой стороны скрывало под тонким слоем породы настоящее сокровище. То, что как магнитом, притягивало к своим похожим на фарфор, бокам, группу археологов, не было шуткой матери-природы.

Перед ними сверкала снежными искрами самая настоящая пирамида – маленькая, метров сорок грань, куда тут до Египетских. Но за исключением размеров и материала изготовления, точь-в-точь копия древнеегипетских.

И еще было отличие у находки экспедиции под началом Бёрд: в отличие от своих огромных товарищей, многократно подвергающихся грабежу и вандализму, эта была целая, как говорила Трея, нераспакованная.

Даже суетливая и, по мнению Алекса, чересчур громкая марсианка Гшель не осмеливалась нарушить чистоты момента. Вся группа, включая роботов-копателей, замерла, понимая, что этот момент не вернется больше – в следующую секунду тайна будет разгадана, перестанет быть тайной.

Трея закашлялась, вдохнув большую порцию искусствен-

ного воздуха. Воздухом экспедицию снабжал переносной регенератор, распыляющий драгоценный клочок атмосферы в радиусе двух километров.

Трея раздраженно замахала на обернувшихся к ней археологов. Она нервничала, старалась не думать о том, подтвердится или нет ее гипотеза.

Еще на Земле, на заседании Археологической Фриганы, Трея заявила, что древние египетские пирамиды строили вовсе не древние египтяне, и уж тем более не рабы, а таинственные пришельцы. По ее убеждению пирамиды строила некая неизвестная раса, и строила она вовсе не храмы и не гробницы, а самые настоящие биостанции, которые могли бы составить конкуренцию и современным.

На Трею конечно же зашикали почтенные седобородые академики, а молодые коллеги ограничились косыми взглядами.

Но упрямая женщина только крепче сжала зубы, и заявила, что вскоре представит доказательства, без которых обратно на Землю не собирается.

Тогда все сочувствующе посмотрели на Алекса, а мистер Бёрд на жену – с гордостью и нежностью.

Трея еще во времена универа развлекала его рассказами, что некогда религия была неразделима с наукой, и даже не как две стороны одной медали, и не как два состояния одного элемента, например, кипящие источники Пенелопы и льды Арктшассы. А были они одним целым, неделимым –

как слиток золота, из которого гипотетически можно вырезать какое угодно украшение, каковые по сути являются по своему составу тем же золотом.

Алекс восхищался фантазией подруги. Или памятью – ведь наверняка повторяет какой-нибудь фантастический роман, или древнюю красивую легенду. А ведь говорит, как знает.

*

– Ом Асар, Асет, Геру! – оклик Алекса, сложившего руки в древнем молитвенном жесте, гулко скрикошетил от фарфоровой стены и вывел Трею из глубокой задумчивости.

– Ты серьезно? – засмеялась миссис Бёрд вместе с остальной командой.

Они стояли перед входом в лунную пирамиду, готовые войти внутрь.

– Мы готовимся войти в гробницу Аменхотепа, милая, – сверкнул белой полоской зубов Алекс, который конечно же гипотезы Треи, касаемой симбиоза древнего храма и биостанции, не разделял. – Абсолютно серьезно. – Он задорно подмигнул. – Древнеегипетское славословие Троицы здесь к месту.

– Осирис, Исида, Гор, я помню, – ехидно протянула Трея. – Это твой последний шанс, милый. Последний шанс утверждать, что и эту пирамиду, а мы находимся, напомню,

на Луне, построили рабы древних египтян, намереваясь расположить в ней гробницу для своего фараона.

– Во-первых, не намереваясь, а располагая, – резонно заметил Алекс, а во-вторых, причем здесь древние египтяне? Я никогда не говорил, что верю в твою гипотезу единства науки и религии.

– Древней науки и древней религии, Алекс.

– Древней науки и древней религии, Трея, – кивнул муж. – Это совершенно ненаучно. Никогда, ни в древности, ни сейчас, религия и наука даже нога в ногу не шли, не то, что быть единым целым... Симбиоз храма и биостанции – это не поддается здравому смыслу.

– Сейчас узнаем, – пожала плечами Трея, а смысл спорить. – Если мы найдем здесь мумию египетского фараона, я возьму на себя все отчеты. Месяц просижу, но составлю за двоих.

– Так что же мы стоим, – воскликнул муж и потрянул кудрями. – Собственная жена собирается на целый месяц выволить меня из рабства!

Сорак

Луна

После неудачного демарша на подлете крысеныш ни сло-

ва не сказал Сораку. Даже не пискнул, когда тот дублировал силовые наручники поверх стандартных, из стального сплава. Не поморщился от тугого захвата на запястьях – порезанная рука, не смотря на своевременную помощь, включающую АХЗЗ-втс, давала знать о себе острой, пульсирующей болью.

Промолчал, когда Сорак поставил его на ноги, а пинок пониже спины задал траекторию перемещения.

Молча и плашмя упал на холодный металлический пол каюты.

– Вот же упрямый сукин сын, – сплюнул Сорак, добавив сквозь зубы пару непечатных ругательств.

Но ожидание скорого выкупа сделало Архаика великодушным. И даже, в некотором смысле, смиренным.

Сорак нагнулся, подхватил мальчика поперек талии, болтающийся тюк заерзал по широкому плечу Охотника, устраиваясь поудобнее, а Сорак, двигаясь к выходу из корабля, размышлял, как объяснить космодромной охране болтающегося, как сосиска, на его плече мальчишку.

Хорошо, если пристанут роботы, им можно задвинуть что-нибудь навроде того, что младший брат просто прилег отдохнуть – роботы в курсе, что людям периодически нужно тратить время на сон. Но если это окажутся живые служители?

И начнутся уговоры, и с ними плохо скрываемый принудительный подтекст, и просьба незамедлительно последо-

вать в лазарет, конечно, под сопровождением. Мало ли, у вас смертельно заразная лихорадка Ранкуерса или чума Серых Странников, и что тогда? Нет уж! Добро пожаловать в карантин!.. И яркие огни лунного космопорта красиво оттенят направленные на него лучи лазеров, радуясь тому, что такая чудная и прибыльная сделка срывается.

Сорак так старательно готовился к неуместному интересу к своей ноше, что даже люк открывал, полемизируя в мысленном, но нелегком диалоге с сотрудниками космопорта, что когда обнаружил четверых андроидов, явно его поджигающих, почти не удивился.

Фабричное происхождение ожидающих без труда читалось в безэмоциональных, масками застывших, лицах, скупых, выверенных движениях, ничего не выражающих, пустых глазах.

– Мистер Джон Смит, ваш прилет для мистера Онко – приятный сюрприз. Не откажетесь от чашки кофе в Луноходе? – чуть ли не по складам отчеканил андроид пароль, означающий: вы вовремя. Объект с вами?

– Пролетал мимо и решил перекинуться парой слов со старым другом, – усмехнулся Сорак. – Кажется, тысячу лет не пил настоящего кофе.

Что означало: все прошло без происшествий, объект со мной.

А про себя подумал – роботы есть роботы. Ни шагу в сторону от полученных инструкций. Как же не поинтересовать-

ся наличием объекта, если итак прекрасно видно, что вот он, висит на плече...

Андроид быстро провел ладонью перед лицом Сорака, и в воздухе на секунду вспыхнула и погасла надпись: Следуйте за нами, мистер Архаик.

Понятно, кислородные чернила – их никакая камера не покажет. Запись демонстрирует жест приветствия.

Вот это Сораку уже не нравилось – ни тон послания, отдающий приказом, ни нарушение личных границ. Это же космопорт, мать вашу раз, здесь помимо демоновой тучи скрытых камер такая же туча глаз! Хрен на конспирацию, одним словом.

Но за андроидами пошел.

За ровными полукруглыми краями ворот комплекса Луноход, стилизация под воронку кратера, Сорак с болтающим на плече мальчишкой и сопровождающими свернул в узкую дверцу. Вход в один из подсобных отсеков был таким узким, что напоминал щель. Низкий свод коридора заставил Сорака нагнуться, чтобы не елозить по потолку макушкой.

Узкая кишка коридора выплюнула их к похожей щели, за которой скрывалось маленькое овальное помещение, с овальным же столом посередине. За столом сидели двое: хмурый коренастый брюнет средних лет и молодой, миловидный блондинчик в обтягивающем голубом комбинезоне, эдакой пародии на военную форму.

– Мистер Архаик, – с появлением Сорака мужчина рас-

плылся в улыбке. Улыбка получилась неискренней: нервной, натянутой.

Приглашающий жест указал Сораку свободный стул. Видимо на соседний следовало усадить обвисшего безвольной тряпкой мальчишку.

– Где мистер Набиев? – Сорак присел на свободный стул, но мальчишку почему-то с плеча не снял.

Брюнет опять дернул кривым ртом, протягивая Сораку голографический айди с объемным изображением своего голо.

– Стер Лавринов, поверенный мистера Набиева. А это Бенжамин Набиев, младший брат моего босса. У меня все полномочия для того, чтобы забрать объект.

«Объект» значит, подумал Сорак. Вообще-то это для него, для Сорака «объект»! А для тебя, стер Лавринов, сын-нон твоего босса, родная кровиночка этому блондинистому гомику. Однако это не главное, что неприятно резануло слух и внимание Охотника.

По уговору передача мальчика должна происходить только в руки родителей.

Замешательство Сорака не укрылось от сидящей напротив парочки.

Блондинчик положил на стол портативный коммуникатор и нажал на экран, переводя его в голо-эффект. Через два гудка над столом возникло пространственное изображение четы Набиевых. Заказчик, отыскав глазами Сорака, с самой благожелательной улыбкой принес Охотнику свои извинения и

попросил о передаче «объекта» своему адвокату и родному дяде.

Опять слух Сорака неприятно резануло слово «объект». Крысеныш заказчику сын, и этому завитому голубю – племянник!

Вслед за просьбой голо заказчика, «поверенный» придвинул Сораку плоский металлический кружок – чип, который надлежало приложить к карточке, для получения подтверждения о переводе из банка.

– Раз все разрешилось, мистер Архаик, перейдем к заключительной части сделки.

А ведь папаша даже не взглянул на сыночка, – подумал Сорак. – Ладно. Мне-то что за дело?

– Перейдем, – равнодушно кивнул он сидевшей напротив парочке и тряхнул плечом, приводя в движение так и не пошевелившегося мальчика.

– Вы кого-то ищете, сэр? – пластиковое лицо робота не выражает никаких эмоций, но к механическим ноткам голоса мастерски добавлено участливое выражение.

– У меня здесь встреча, – хмуро буркнул Сорак.

Черная дыра раздери эту Луну площадью в 38 км²! И где искать Вайга? На позывные Натан не отвечал. Тот единственный раз, когда Сораку удалось связаться с бывшим ка-

пом, еще неделю назад, как раз погрузил крысеныша в корабль. До того, как Мишка чуть не оторвал ему руку силовым захватом.

Тогда Натан Вайгер доверительно, но сильно заплетающимся языком поведал, что пьет в Луноходе, – самом крупном торгово-развлекательном комплексе Луны.

На вопрос, где его искать через неделю, тот, закипая, повторил, что пьет в Луноходе.

Сорак подумал еще, что неладно со связью.

Но стоило снова повторить вопрос, пытаясь пробиться к Натану, как бывший кап отчего-то психанул, и рявкнул, что выкинет нахрен этот коммутатор. После чего совершенно спокойно сказал в динамик: «До встречи через неделю», и отключился.

На памяти Сорака Натан Вайгер ни разу не нарушал слова, и после такого уверенного заверения о будущей встрече, Сорак и не задумывался, как он найдет капа. Да и хлопот с поднятием «объекта» на борт у него прибавилось.

И вот теперь, стоя перед голо-картой Лунохода, насчитывающего сотню этажей, и практически на каждом по сотне крупных ресторанов и раз в десять больше забегаловок, Сорак чувствовал себя полным идиотом. А еще костерил последними словами Натана, который, следуя правилу всегда и во всем держать слово, видимо, и вправду выкинул коммутатор. На хрен. По крайней мере, так выходило из того, что на позывные Вайг не отвечал.

– Я могу узнать имя вашего друга? – робот-администратор в красной, броской, униформе, поднял панель повыше, и по зеркально гладкой поверхности, поплыли строчки с сотнями тысяч имен на галалингве и других языках галактики.

У них тут все заносится в местный аналог Информатория!– обрадовался Сорак. А если у Натана нет особых причин скрываться, найти его будет легче легкого!

– Натан Вайгер, – почти облегченно выдохнул робота.

Сорак готов был поклясться, что голубые пластиковые пуговицы глаз на белом, с безупречными чертами, лице выступили перед этим самым лицом миллиметров на пять, после чего оказались втянутыми обратно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.